

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

*Алая
Бетти*

БАГМР

ПОД ЕГО ЗАЩИТОЙ

18+

Бетти Алая

Багир. Под его защитой

«Автор»

2026

Алая Б.

Багир. Под его защитой / Б. Алая — «Автор», 2026

Он наемник, для которого имеют значение лишь долг и приказ. Она юная невеста, сбежавшая из-под венца от ненавистного жениха и ставшая разменной монетой в чужих играх. Но с каждой минутой граница между долгом и желанием стирается. Сможет ли он защитить ее, когда главная опасность — это запретное чувство, вспыхнувшее между ними? Однотомник. ХЭ Внимание, в книге есть: Настоящий мужчина! Нежная героиня! Эмоционально, горячо, сладко!

© Алая Б., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ГЛАВА 1	5
ГЛАВА 2	7
ГЛАВА 3	9
ГЛАВА 4	11
ГЛАВА 5	13
ГЛАВА 6	16
ГЛАВА 7	18
ГЛАВА 8	20
ГЛАВА 9	23
ГЛАВА 10	25
ГЛАВА 11	27
ГЛАВА 12	29
ГЛАВА 13	31
ГЛАВА 14	34
ГЛАВА 15	36
ГЛАВА 16	38
ГЛАВА 17	41
ГЛАВА 18	43
ГЛАВА 19	46
ГЛАВА 20	49
ГЛАВА 21	52
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Бетти Алая

Багир. Под его защитой

ГЛАВА 1

Мадина

Я сижу на краю кровати, закутавшись в тонкую шелковую ночнушку, и дрожу. Не от холода, в комнате душно.

Я дрожу изнутри, будто кто-то запустил в мою душу холодный, неумолимый страх.

Он вибрирует в каждой клеточке, отзывается ледяной дрожью в кончиках пальцев. Стоит тяжелым горячим комом в горле.

Сегодня день моей свадьбы.

Свадьба. Слово, которое должно звучать как музыка, начало сказки. Для меня это приговор.

Как стук молоточка судьи, оглашающего вердикт. Мой жених — Мустафа Газали. Мужчина, которого я видела лишь на фотографиях. Он богат, влиятелен и у него есть гарем.

Мне восемнадцать. Ему сорок шесть.

Я стану его новым приобретением. Живым товаром, которым мой отец расплатился за свои долги.

Разве это не цинично? Собственную дочь обменять на финансовое благополучие?

Смотрю на свои руки, бессильно лежащие на коленях. Ими я мечтала держать указку, писать формулы на школьной доске, ласково гладить по голове плачущего первоклашки.

Я так хотела стать учительницей! Поступила в университет, тайком от отца подав документы. Но он узнал. И все рухнуло в один день.

— Ты опозорила семью! Твое место в доме мужа! — его крик до сих пор стоит у меня в ушах.

Мой мир, едва успевший раскрыться, снова захлопнулся, как раковина. Теперь меня ждет золотая клетка на другом конце света, где нет места Мадине-студентке, Мадине-мечтательнице. Там будет только одна из жен Газали. Номер какой-то. Безымянная.

Горло сжимает новый спазм. Глотаю воздух, пытаюсь сдержать подступающие слезы. Они обжигают, но не приносят облегчения. Это слезы бессилия, смирения и горькой обиды на всю свою жизнь, которая оказалась не моей.

Внезапно дверь в спальню бесшумно приоткрывается. В щели показывается бледное, испуганное лицо матери. Она крадется в комнату, как вор, озираясь по сторонам.

Ее глаза полны такого ужаса и боли, что мое собственное горе на мгновение отступает, уступая место жалости. Мама тоже пленница в этом доме. Заложница традиций и воли моего отца.

— Доченька, моя птичка... — она падает передо мной на колени, хватая мои ледяные руки и прижимает их к своему влажному от слез лицу. — Прости меня, прости, что не смогла защитить...

Ее плечи трясутся. Я опускаю руку на ее покрытую платком голову, глажу. Мы обе жертвы этого варварского спектакля.

— Ты должна быть сильной, — она поднимает на меня умоляющий взгляд. — Сильнее, чем я. Сильнее всех нас.

Потом ее лицо искажается еще больше. Она снова оглядывается на дверь, будто за ней стоит сама смерть, и тянется ко мне, прижимаясь губами к самому уху. Ее шепот едва различим, но каждое слово врежется в мое сознание, как раскаленный гвоздь.

— Мурад... — она выдыхает имя моего изгнанного брата, и в ее голосе вдруг вспыхивает искра чего-то похожего на надежду. — Твой брат что-то задумал. Я не знаю, что, клянусь, не знаю деталей! Но он не оставит тебя. Он борется за тебя. Держись за эту мысль! Как бы страшно ни стало потом, помни, что он рядом.

Мурад. Мой старший брат, ставший для отца пустым местом, изгнанник. Для меня же он всегда оставался тихим героем, защитником из детства.

И та крошечная, почти безумная искра, которую мать заронила в мое сердце, вдруг становится маленьким огоньком. Брат не оставил меня. Он идет за мной.

Мама судорожно целует меня в лоб холодными губами. И так же бесшумно, как появилась, растворяется в темноте коридора, оставив меня наедине с бешено стучащим сердцем и этой новой, пугающей и прекрасной надеждой.

Я не успеваю осмыслить услышанное, как дверь распахивается настежь. Входят служанки. Их несколько, и ведет их Айше, старшая и самая невозмутимая из горничных матери. Их лица совершенно бесстрастны. Они несут огромную, нелепо роскошную коробку, перевязанную толстыми шелковыми лентами.

— Подарок от господина Газали для невесты, — голос Айше ровный, бархатный, в нем нет ни единой эмоции. — Приказ: вручить лично в руки. Для благословения перед церемонией.

Меня окружают. Чужие руки начинают поправлять складки моей ночнушки, касаются волос.

Замираю, превращаясь в куклу, в манекен. Внутри все кричит, но я не показываю ни единой эмоции.

Одна из девушек, не глядя на меня, достает из коробки что-то стыдливо-белое, тонкое, как паутина. Нижнее белье. Для первой брачной ночи с нелюбимым чужим мужчиной. Горечь подкатывает к горлу.

Айше берет этот кусочек шелка и делает шаг ко мне. Ее глаза встречаются с моими. И в их темной глубине я вдруг вижу не безразличие служанки, а концентрированную стальную решимость.

— Подними руки, госпожа, — говорит она громко, четко, для невидимых ушей за дверью. — Помогу надеть. Неудобная эта штука.

Я как автомат поднимаю руки. Мое тело одеревенело. Айше наклоняется, холодный шелк касается моей кожи, и в этот миг...

Шепот, который она издает, резкий, отрывистый, без тени прежней бархатистости, пронзает меня насквозь:

— Слушайся меня и молчи. Делай все, что я скажу. Быстро и без вопросов. Твой брат прислал нас.

Мир сужается до точки. Звуки пропадают. Я не вижу ничего, кроме ее лица, горящих холодным огнем глаз.

Мурад. Это правда. Это не сон. Он здесь. Борется за меня до последнего.

И я киваю. Почти невидимое короткое движение подбородка. Я готова. Готова на все, лишь бы не выходить замуж за нелюбимого.

Я делаю свой выбор. И сердце, которое все утро сжималось от ужаса, вдруг замирает в тихом, отчаянном ожидании чуда...

ГЛАВА 2

Мадина

Время сжимается, превращаясь в сплошной быстрый и жесткий переполох.

Слово Айше «Сейчас!» действует на девушек, как удар кнута. Их действия превращаются в отлаженный механизм.

Мою шелковую ночнушку снимают одним плавным движением. Застываю, чувствуя холодный воздух на коже, но стыда нет — только напряжение и концентрация.

Мне вручают грубый комплект нижнего белья, затем такое же простое серое платье служанки. Ткань жесткая и непривычная.

Пока одна натягивает его на меня, другая уже распускает мои уложенные волосы и быстрыми движениями собирает их под темный невзрачный платок, закрывающий половину лица.

— Коробку! — резко прошипела Айше.

В этот момент дверь с грохотом распаивается. На пороге, как разъяренная фурия, застывает тетя Зухра. Ее маленькие злые глазки с ненавистью выхватывают меня из полумрака.

— Что это за безобразие?! Почему невеста не в свадебном наряде? Где платье? — ее визг режет слух.

Сердце проваливается в пятки. Все кончено. Но Айше разворачивается к ней с идеально спокойным лицом.

— Личный приказ господина Газали, — ее голос бархатный, медовый. — Сначала подарок. Для особого благословения. Мы как раз собираемся его примерить.

Она делает едва заметный жест рукой за спиной. Девушки мгновенно заслоняют меня от взора Зухры своими телами, пока я стою в этом жалком сером платье. Вижу, как тетя колеблется. Авторитет жениха оказывается явно сильнее ее подозрений.

— Ладно. Только быстрее. Опоздаем на церемонию, а это недопустимо, — ворчит она и, бросив на меня последний подозрительный взгляд, уходит, не закрывая до конца дверь.

В комнате повисает тяжелое молчание. Айше резко выдыхает.

— Быстро, — ее шепот срывается от напряжения. Девушка буквально впихивает меня в туфли служанки. — Пожалуйста, госпожа.

Я дрожащими руками поправляю платок. В это время из той самой коробки, будто фокусник из шкатулки, поднимается другая девушка.

На ней уже надета точная копия моего свадебного платья. Одна из девушек накидывает на нее тяжелую, расшитую золотом паранджу с плотной сеткой, скрывающей лицо. Теперь она невеста.

А я лишь безлика служанка.

— Выводим, — командует Айше и хватает меня за локоть. Ее пальцы холодные, как лед. — Все будет хорошо. Доверьтесь мне.

Мы выходим в коридор. Идем быстро, но не бежим. Опускаю голову, стараюсь идти походкой служанки, сгорбившись.

Сердце колотится так громко, что мне кажется, его стук слышен всему дому. Из-за угла доносится мужской смех. Охрана Газали, их я узнаю по акценту. Они проходят в нескольких метрах, и я замираю, ожидая вопросов, грубой руки на своем плече.

— Эй ты! — раздается окрик сзади.

Я не оборачиваюсь, ускоряя шаг. Это старшая служанка, краснолицая, вечно всем недовольная.

Айше притормаживает, блокируя ей дорогу.

— Мать невесты срочно требует ее в покои. Истерика, не может успокоить. Церемония под угрозой, — бросает она на ходу, и мы снова идем, почти бежим.

Черный ход. Холодный влажный воздух пахнет моющими средствами. Он кажется мне самым сладким ароматом на свете. Айше распахивает тяжелую дверь, и я выхожу на улицу, на утренний, еще прохладный воздух.

На обочине ждет серая неприметная машина. И мужчина. Огромный. Его плечи кажутся шириной с дверной проем. Лицо со шрамом, непроницаемое, каменное. Он стоит у открытой задней двери, его взгляд, быстрый и острый, как лезвие,

сканирует улицу, Он видит меня. Наши глаза встречаются на долю секунды. В них нет ни тепла, ни приветствия. Только сосредоточенность.

— Голову ниже. Быстро, — его голос низкий, твердый, уверенный. Это не просьба, а приказ.

Айше буквально вталкивает меня на заднее сиденье. Падаю на кожаную обивку, вся дрожу, словно в лихорадке.

И прежде чем я успеваю что-то понять или почувствовать, его рука - большая, сильная, с шершавыми костяшками пальцев, хватает меня за локоть.

Хватка железная, несокрушимая, но в ней нет грубости. Она быстрая, точная, почти... бережная. Мужчина просто направляет, помогает мне сесть удобнее, и в этом движении есть странная, неожиданная забота. Как будто он думает, что я хрупкая вещь, которую можно повредить.

Дверь захлопывается. Я слышу, как он что-то коротко говорит Айше. За рулем женщина с умными спокойными глазами.

— Всё в порядке, детка, — мягко говорит она, оборачиваясь. — Ты в безопасности. Сейчас отвезем тебя в тихое место. Больше никто не посмеет принудить тебя.

Машина еще не тронулась, но мотор работает. Водитель смотрит на мужчину, ожидая команды.

Тот делает шаг к моей двери, и я, повинуясь внезапному порыву, дрожащими пальцами нахожу кнопку и опускаю стекло.

Он смотрит на меня темными внимательными глазами.

— Мой брат... — начинаю я, и голос дрожит.

— Он ждет вас, — отвечает, и его низкий голос кажется удивительно спокойным после всего этого хаоса. — С ним все в порядке.

Киваю, глотая комок в горле. В голове проносится новая мысль. Этот человек только что спас меня, а я даже не знаю, как его зовут.

— Как... как ваше имя?» — спрашиваю почти шепотом, боясь показаться навязчивой.

— Багир, — представляется просто, без фамилии, без лишних слов.

Кивнув, он отступает на шаг.

— Пора.

Закрываю окно. Машина плавно трогается с места.

Прижимаюсь лбом к холодному стеклу, глядя, как огромный силуэт на тротуаре становится все меньше и меньше.

Этот человек, Багир, был моим спасителем всего несколько минут, но в его присутствии я чувствовала такую надежность, как будто за каменной стеной.

Теперь я остаюсь одна с незнакомой женщиной за рулем, и новая робкая свобода пугает своей неизвестностью...

ГЛАВА 3

Мадина

Мотор урчит, город за окном мелькает быстрыми незнакомыми картинками. Высокие здания, рекламные щиты, чужие лица. Все кажется плоским, ненастоящим, как в кино, в котором я не хочу участвовать.

Прижимаюсь лбом к холодному стеклу. Меня трясет мелкой неконтролируемой дрожью, будто внутри лютый мороз, хотя на улице светит солнце.

Голос женщины за рулем доносится словно сквозь толщу воды, глухой и далекий.

— Меня зовут Лика. Я психолог. Ты в безопасности, Мадина. Все самое страшное позади.

Я киваю, потому что так надо, но не верю ни единому слову. Самое страшное только начинается.

Я сбежала. Опозорила семью.

Бросила мать одну в аду. Что с ней теперь будет?

Представляю лицо отца, искаженное яростью. Он найдет меня. Уничтожит.

— Ты в шоке, это нормально, — продолжает Лика, ее голос ровный и спокойный. — Дай себе время. Подыши.

Но я не могу дышать. Воздух обжигает легкие. Зажмуриваюсь и вижу маму. Ее испуганные глаза, влажные от слез щеки. Ее шепот: «Держись».

Прости меня, мама! Я держусь, но мне так страшно!

Лика везет меня за город и останавливается где-то на тихой улочке перед ничем не примечательным серым домом за высоким забором. Она ведет меня внутрь, ее рука на моей спине кажется легкой и тяжелой одновременно.

Она открывает дверь ключ-картой, мы заходим. Первое, что я вижу — это гостиная. Небольшая, строгая, безликая. Две коричневые кожаные кушетки, стеклянный стол, пустой телевизор на стене.

Ни картин, ни безделушек, ни намек на чью-то жизнь. Ничто не может порадовать глаз. Воздух пахнет чистотой и одиночеством.

На автомате двигаюсь дальше. Следующая дверь — кухня. Чистая, почти стерильная. Глянцевые белые фасады, хромированная ручка на холодильнике, на столешнице электрический чайник и две чашки.

Ни крошки, ни капли. Как будто здесь никто никогда не готовил и не ел.

Из кухни - дверь в уборную. Крошечную, с унитазом и маленькой раковиной. Ни коврика, ни полотенец. Голая лампочка под потолком отбрасывает резкие тени.

Лика наблюдает за мной молча, давая осмотреться.

— Ванная и спальня там, — она указывает на узкий коридор. — В этом крыле охранников не будет. Так распорядился твой брат. Камер нет в твоей спальне и ванной. Ради твоего комфорта. Но в остальных комнатах есть. Для твоей же безопасности.

Киваю, полностью осознавая свое положение. Я в клетке, просто прутья теперь невидимы.

Спальня чуть уютнее. Двуспальная кровать с простым бежевым покрывалом, прикроватная тумбочка, платяной шкаф. Я подхожу к шкафу и открываю его.

Дыхание застревает в горле. Внутри платья. Десятки платьев. Справа - привычные кавказские. Из бархата и шелка, расшитые тончайшими золотыми нитями, с высокими воротниками-стойками и длинными рукавами.

Нежные пастельные тона: персиковый, мятный, лавандовый. Платки из шифона и шелка, украшенные ручной вышивкой. Они такие красивые, родные... и такие чужие. Напоминают мне о доме, откуда я сбежала.

Слева висят «обычные» платья: короткое, черное, облегающее, сарафан в цветочек с открытыми плечами. Робко протягиваю руку и касаюсь кончиками пальцев ткани черного платья. Она мягкая, дорогая. Приятная на ощупь.

Но мне нельзя такое носить. Я мусульманка. Отдергиваю руку, будто обожглась, и отступаю назад. Сердце колотится в груди. Нет. Это не для меня. Это для другой Мадины, которой не существует.

Захлопываю дверцу шкафа и отворачиваюсь, чувствуя прилив стыда. За что? Я не знаю.

— Багир придет чуть позже, — говорит Лика, стоя в дверях. — Привезет безопасный телефон, ноутбук. Сможешь связаться с братом. А мне нужно отлучиться по делам.

— А мама? — спрашиваю с надеждой. — Я могу позвонить маме?

Лика качает головой, и в ее глазах читается искреннее сожаление.

— Пока нет, Мадина. Сначала нужно, чтобы все улеглось. Это опасно. Для вас обеих.

Я снова киваю, глотаю комок разочарования. Конечно. Всегда «пока нет». Всегда «опасно». Моя свобода отныне — это жизнь в четырех стенах, в тишине и ожидании.

Закрываюсь в ванной, умываюсь ледяной водой, пытаюсь смыть с себя остатки этого утра. Того дома. Страха и отчаяния.

Вода стекает по лицу, смешиваясь с тихими горькими слезами. Я поднимаю взгляд на свое отражение в зеркале. Бледное лицо, огромные испуганные глаза. Я чужая самой себе.

И вдруг сквозь пелену отчаяния в памяти всплывает другое лицо: суровое, со шрамом через бровь.

Багир.

Его темные внимательные глаза. В них не было ни капли жестокости. Лишь сосредоточенность и сила. И в этой мысли есть странное, необъяснимое спокойствие. Он сдержал слово и вытащил меня. Ему можно доверять.

Острое чувство голода заставляет меня выйти из комнаты. Пустой желудок сводит спазмом. Я должна поесть. Должна заставить себя жить.

Спускаюсь на кухню, все еще ощущая дрожь в коленях. В голове перебираю список простых блюд, которые могу приготовить. Хотя бы чай или яичницу.

Но когда я переступаю порог кухни, воздух меняется, становится плотнее. Понимаю, что я здесь не одна.

Поднимаю взгляд.

И сердце совершает резкий болезненный кульбит в груди, замирая на самом краю пропасти.

Он стоит у окна, спиной к свету, огромный силуэт кажется еще более массивным в тесном пространстве кухни. Багир. Он здесь.

Замираю на месте, кровь стучит в висках. Взгляд прилипает к полу, к плитке под его мощными ботинками.

Я не смею поднять глаза. Каждая клеточка моего тела помнит низкий, хриплый, властный голос.

Багир оборачивается. Я чувствую на себе его тяжелый, изучающий взгляд. Стою, опустив голову, как провинившийся ребенок, сжимая влажные от волнения ладони.

Тишина в комнате становится оглушительной...

ГЛАВА 4

Мадина

Тишина становится густой, практически осязаемой. Я стою, не смея пошевелиться, чувствуя на себе тяжесть его взгляда. Он пронизывает меня насквозь, заставляет кровь стучать в висках все громче.

— Мадина.

Мое имя в его устах звучит непривычно, низко и немного хрипло. Оно не ласковое, как у матери, и не властное, как у отца. Другое.

Заставляю себя поднять взгляд, преодолевая робость и смущение. Багир стоит, скрестив руки на могучей груди. Он уже не в черном, как утром, а в темно-серой водолазке и простых штанах. Шрам через бровь резко белеет на смуглой коже.

— Ты должна понять правила, — начинает мужчина, и его голос холоден и четок, будто отточенный клинок. В нем нет ни капли тепла, которое я, глупая, возможно, надеялась услышать. — Это не рекомендации, а закон твоего выживания.

Молча киваю, сжимая влажные ладони в кулаки.

— Один шаг за порог без меня или Лики и тебя могут найти. Окна не открывать. На первом этаже решетки, на втором - сигнализация. О любом подозрительном шорохе за дверью или чужой машине под окнами сообщай сразу. Мне или Лике. Поняла?

— Поняла, — выдыхаю, и собственный голос кажется мне детским писком.

Его холодность слегка ранит. Багир смотрит на меня как на проблему. На объект, за который несет ответственность.

И это правильно. Единственно верное, что может быть между нами.

Он взрослый, опытный мужчина. Воин, принадлежащий к другому, жестокому миру. А я - невинная девушка, которую он спас по приказу моего брата Мурада. Не более того. Я должна быть благодарна и послушна. И только.

— Думай о нем только как о спасителе, — строго приказываю себе. Но что-то в глубине души: темное и непослушное, уже шевельнулось при виде его силы и звуке хриплого голоса.

— Хорошо, — резюмирует Багир, и его взгляд скользит по мне, быстрый, оценивающий. Он проходит в гостиную и берет маленький, до боли знакомый чемодан. — Твоя мать собрала вещи, рискуя всем.

Он ставит его передо мной. Сердце сжимается от щемящей боли. Мама...

Как же она рисковала! Опускаюсь на колени перед чемоданом, дрожащими пальцами расстегиваю застёжки.

Поверх аккуратно сложенных платьев лежит коричневая папка. Открываю ее, и дыхание перехватывает. Мои заявления в университет. Мои учебники по математике и литературе, которые я прятала под матрасом. Она все нашла и сохранила это для меня.

Зная, что я сбегу. Веря, что у меня будет другая жизнь.

Слезы подступают, но на этот раз не от отчаяния. От силы, которую мне дала эта маленькая победа, тихий бунт моей матери.

— Спасибо, — шепчу, прижимая папку к груди и поднимая на Багира сияющий взгляд. — Большое спасибо.

В его темных глазах на мгновение мелькает что-то неуловимое. Не тепло, нет. Но, возможно, легкое одобрение. Кивнув, мужчина выпрямляется.

— Мне пора. Лика придет к тебе после обеда, — он делает шаг к выходу, и пространство будто расширяется, становится пустым. — Я приеду завтра утром. Проверю, как ты. Ноутбук и мобильный на дне чемодана. Там забиты безопасные номера.

Багир уходит. Так же резко и бесшумно, как и появился. Дверь закрывается, и я остаюсь одна с чемоданом, папкой и гулкой тишиной, которая теперь кажется еще громче.

Вечер тянется мучительно долго. Пытаюсь читать учебники, но буквы плывут перед глазами. Я слышу каждый скрип, каждый шорох за окном.

Одиночество сжимает горло ледяными пальцами. Я в безопасности, но не свободна.

Ночь приносит с собой страх. Я не могу уснуть. Ветви дерева за окном отбрасывают на стену движущиеся тени, и в каждой мне чудится высокая фигура Газали, его пронизывающий взгляд. Вжимаюсь в подушку, зажмуриваюсь, пытаюсь прогнать призраков.

Снова в памяти всплывает лицо: суровое, со шрамом. Багир. Его глаза, в которых нет жестокости, лишь стальная решимость и сила. Мысль о нем и его несокрушимой надежности приносит странное, необъяснимое спокойствие. Тревога понемногу отступает, уступая место истощению, и я проваливаюсь в тревожный сон.

Утром просыпаюсь разбитая, но с четким осознанием: я должна жить. Должна собраться.

В ванной я впервые за долгое время внимательно разглядываю свое тело в полный рост. Тощее. Почти мальчишеское. Груды совсем маленькие, бедра узкие. Только глаза: огромные и испуганные, смотрят на меня из зеркала. Во мне нет ни капли женской соблазнительности, о которой говорят в фильмах.

И почему-то на ум приходит он. Багир. Настоящий мужчина, сильный, взрослый. У него, наверное, были женщины. Много красивых раскрепощенных, опытных женщин. Они знают, как обращаться с такими мужчинами, как заставить их взгляд загореться желанием, а не холодной ответственностью.

Мысль обжигает изнутри, заставляет щеки залиться краской стыда. Это грех. Нечестивые, скверные мысли. Приличная девушка не должна так думать о мужчине, о котором она ничего не знает.

Быстро ополаскиваюсь, пытаюсь смыть с себя этот стыд.

Торопливо вытираюсь и закутываюсь в халат, стараясь прогнать наваждение. Подхожу к шкафу. Выбираю самое закрытое строгое платье из темно-синего бархата с длинными рукавами и высоким воротником. Повязываю платок в тон, тщательно пряча каждую прядь волос.

Теперь я снова защищена. Я та, кем должна быть.

Спускаюсь на первый этаж на цыпочках, стараясь не шуметь. Из кухни доносится грохот посуды. Значит, Лика уже здесь и готовит завтрак. Делаю глубокий вдох, готовясь к новому дню в заточении.

Но, переступив порог кухни, замираю.

Возле раковины, спиной ко мне стоит не Лика. Широкая спина, мощные плечи, знакомые даже под простой одеждой, напряглись в движении. Он моет большую сковороду, и его движения точны и уверенны.

Багир.

Мужчина оборачивается, услышав мое дыхание. Темные глаза встречаются с моими. На его лице ни тени удивления, будто он знал, что я здесь, чувствовал мое приближение.

— Доброе утро, — говорит он.

Не могу вымолвить ни слова. Я смущена до глубины души. Опускаю взгляд.

Но сквозь смущение, страх и стыд пробивается крошечный теплый росток радости. Он здесь.

И я, против всякого здравого смысла и правил, рада его видеть...

ГЛАВА 5

Багир

Возвращаюсь к себе. Квартира встречает пустотой и тишиной. Так и должно быть. Снимаю куртку и вешаю ее на стул. Это единственная мебель, кроме матраса на полу. На кухне газовая плитка и небольшой холодильник.

Включаю ноутбук – источник света и информации. Открываю отчеты, сводки, но буквы плывут перед глазами.

Вместо цифр и планов вижу ее. Мадину.

Ее образ возникает передо мной, яркий и совершенно ненужный.

Как она стояла на кухне в том синем платье. Глаза испуганные, огромные. Взгляд дикого лесного зверька, попавшего в капкан. Но в них была не только покорность. Еще упрямая живая искра. Та, что не гаснет даже в полной тьме.

Чувствую странное копошение в груди. Теплое, давно забытое. Я привык к холоду в сердце. Там уже пятнадцать лет совершенно пусто.

А это новое тепло мешает. Напоминает, что я еще живой. Но мне нельзя быть живым. Нельзя чувствовать. Я этого не заслужил.

Вспоминаю, как вчера наблюдал за Мадриной по камерам в гостиной, когда она первый раз осматривала дом. Девушка двигалась неслышно, на цыпочках, словно боялась разбудить тишину.

Прикасалась к стенам, мебели, изучая свою новую клетку. А я сидел здесь, в этой берлоге и смотрел. Чувствовал себя бесстыдно подглядывающим сталкером. Это было неприлично. Но я не мог оторваться.

Она невероятно красива. Но ее красота не та яркая и наглая, что бросается в глаза. Она тихая, нежная и идет изнутри.

Та, что заставляет смотреть снова и снова. И от этого еще больнее осознавать пропасть между нами.

Мне сорок. Ей восемнадцать.

Пропасть в двадцать два года, полных крови, предательства и смерти. Я для нее чужой, старый, со шрамом на лице и на душе. Лишь оружие, которое послал Мурад для защиты сестры.

– Нельзя, – жестко говорю сам себе, вставая и подходя к окну. – Ты ее охранник. Защитник. И ты не можешь... не имеешь права даже думать об этом.

Набираю номер Мурада. Босс чувствует себя лучше после покушения. Но все равно пока еще в больнице со своей женщиной Яной.

– Как Мадина? – слышу хриплый голос в трубке.

– Обустраивается, – обтекаемо отвечаю, – я приеду, босс?

– Жду.

Еду в больницу.

Мурад лежит в стерильной палате, вокруг провода и датчики. Выглядит уже лучше, чем сразу после покушения.

– Багир, – хрипит он, едва я вхожу. – Докладывай.

Подхожу ближе.

– Мадина в безопасности. Как и сказал, обустраивается. Шок постепенно проходит. Ваша сестра проявила характер, – не знаю, зачем добавляю последнее. Но Мурад кивает, и в его взгляде проскальзывает гордость.

– Хорошо. Слушай меня внимательно. Клим мертв. Яна пока тут, но после похорон Волкова я ее увезу за границу. Она ждет ребенка. Я доверяю тебе, ты мне как брат, Багир. Защити

мою сестру, пока все не уляжется. Правила прежние. Никаких чужих мужчин рядом, даже твоих людей. Только ты или Лика. Понял?

– Да, босс.

– Ей нужно все: безопасность, спокойствие, уверенность. Береги ее, Багир. Как... – он замолкает, прокашливается. – Как зеницу ока.

Киваю. Его слово для меня – закон. И не потому, что Мурад – мой босс. А потому, что он прав.

– И второе, – голос Мурада становится тише, но тверже. – Пока дышит этот арабский шакал Газали, ни ей, ни матери не будет покоя. Ликвидировать. Это приказ. А если мой отец вмешается... отправь его следом за благодетелем. Но Мадину в это не впутывай. Моя сестренка и так настрадалась.

Смотрю Мураду в глаза. Вижу, как тяжело ему это говорить. Все-таки Демид его отец. Но тот переступил черту, продав собственную дочь.

– Будет сделано, босс.

– Действуй. – Он закрывает глаза, силы покидают Горцева. Я выхожу из палаты, обдумываю приказ.

Нужно разработать план, узнать все о Газали. Подключу ребят, пусть копают. Все равно пока лучше затаиться без лишних провокаций.

Но прежде, чем я вернусь к Мадине, у меня есть дело. Еду на кладбище. Сегодня годовщина.

Стою у двух ухоженных могил. Воздух пахнет сырой землей и памятью. В руках букет гвоздик...

Возвращаюсь домой из командировки. В голове одна мысль: скорее бы обнять жену и дочь! Лиза наверняка наденет то платье, которое я подарил ей перед отъездом, а малышка Алина сразу повиснет на мне, как обезьянка.

Захожу в наш большой дом. В нем стоит непривычная тишина. Слишком громкая.

Иду по коридору. На полу темные багровые пятна. Захожу в спальню...

И нахожу их. Лежащими в луже холодной крови. Любимые глаза, которые я так мечтал увидеть, смотрят в пустоту.

В тот миг сердце остановилось. Разорвалось на части вместе с моим миром. С тех пор оно не бьется...

Нашупываю цепочку на шее под рубашкой. Обручальное кольцо. Единственное, что осталось от той жизни.

Я смотрю на могилы тех, кого не смог уберечь. Прошлое всегда настигает, верно?

Молча разворачиваюсь и ухожу. Усилием воли успокаиваю трепещущее сердце. Оно ждет возвращения... к ней...

Подъезжаю к дому. Провожу быстрый обход периметра. Никого, хорошо. Прохожу в гостиную и замираю на пороге.

Мадина сидит перед телевизором. На экране ее отец. Его лицо искажено ложным горем и злобой.

– ...сбежала со свадьбы... опозорила честь семьи... будет большой политический скандал!

Вижу, как дрожат хрупкие плечики. Слышу прерывистый тихий всхлип. Слезы катятся по щекам Мадины, оставляя мокрые дорожки. Каждая из них вонзает раскаленный нож в мою омертвевшую душу.

Девушка не виновата. А он... этот кусок дерьма заставляет ее чувствовать стыд. Страх.

Подхожу. Сажусь перед ней на корточки, чтобы не напугать.

– Мадина, – шепчу.

Она вздрагивает. В огромных карих глазах столько боли и стыда, что мне хочется разнести этот телевизор вдребезги.

– Он... он говорит, что я... что мы... опозорили... – она задыхается от рыданий.

Я машинально протягиваю руку, но останавливаюсь на полпути. Мне нельзя касаться ее.

– Слушай меня, – произношу, глядя ей в глаза. Я вкладываю в свои слова всю уверенность, но стараюсь говорить мягко. – Ты никого не опозорила. Ты храбрая, ведь выбрала свободу. Это и есть честь. А он... – киваю на экран, – продал свою кровь. У него нет права говорить о чести. Всегда помни об этом.

Мадина смотрит на меня, широко распахнув глаза. Слезы медленно высыхают. Ее дыхание выравнивается. Она ищет во мне опору. И находит ее.

– Правда? – шепчет девушка, и в этом шепоте слышится хрупкая надежда.

– Правда, Мадина, – уверенно говорю. – Я никогда не лгу.

Она медленно кивает, смахивая остатки слез с ресниц. И впервые за все время я вижу в ее взгляде не страх и не стыд, а доверие. Хрупкое, как первый лед, но настоящее.

И я знаю: чтобы сберечь его, я уничтожу любого, кто посмеет к ней приблизиться...

ГЛАВА 6

Мадина

Тишина после его слов висит в воздухе, густая и звенящая. Слезы высохли, но кожу на щеках все еще стягивает. Я сижу, физически ощущая призрачное тепло его слов.

Багир прав. Я должна верить.

Но голос отца, его искаженное яростью лицо на экране все еще отравляет мою душу.

Нет, папа не мог... Он строгий, но он мой отец. Он желал мне только добра, чтобы я жила в соответствии с нашими традициями.

Мысль, что папа сознательно обрек меня на унижение в гареме, слишком чудовищна. Я гоню ее прочь, запираю в самый темный угол сознания. Не могу в это поверить. Не сейчас.

Багир встает. Он смотрит на меня, темные глаза изучают мое лицо.

— Хватит на сегодня телевизора, — заявляет, берет пульт и выключает мерцающий экран. Лицо отца исчезает, и я невольно выдыхаю с облегчением. — Тебе нужно отвлечься. Давай я покажу дом.

— Я уже все осмотрела, — тихо говорю, все еще не решаясь поднять на него взгляд.

— Уверена? — слышу, как мужчина улыбается. — Кое-куда ты точно не заглядывала.

Сердце делает опасный кульбит. Что он имеет в виду? Любопытство, живое и назойливое, побеждает осторожность. Я киваю.

— Хорошо.

Багир разворачивается и идет к выходу из гостиной, и я следую за ним, стараясь двигаться бесшумно.

Подходя чуть ближе, я улавливаю его запах. Не парфюм, нет. Чистая свежая кожа, легкий шлейф мыла и что-то еще... мужское, дикое, как ветер в горах. Пахнет силой и безопасностью.

Мне вдруг до боли хочется прижаться губами к его шее, вдохнуть этот запах полной грудью, ощутить эту надежность на кончике языка.

Мысль словно удар тока. Отпрыгиваю назад, будто наступила на раскаленный уголь. Сердце колотится, как бешеное. Всевышний, что со мной? Что это за скверна, нечистые мысли в моей голове?

— Правверная незамужняя девушка не должна находиться наедине с посторонним мужчиной, — голос отца звучит в голове сурово и неумолимо. — Это грех. Путь к позору.

Сжимаю руки в кулаки, впиваясь ногтями в ладони, пытаюсь прогнать этот стыд. Но образ и ощущения... они слишком яркие. Я вся горю.

Багир не оборачивается. Не подает вида, что заметил мой испуг. Он просто идет. Но я вся дрожу, как осиновый лист. Чувствую себя грязной, испорченной этими желаниями.

Мы выходим в коридор, и мужчина останавливается перед дверью, которую я раньше считала подсобкой.

— Ты вся оцетинилась, как котенок, — низкий голос раздается прямо над моим ухом. Багир смотрит на меня острым внимательным взглядом. — Что случилось, Мадина?

Я замираю, чувствуя, как краска заливает щеки. Сказать? Признаться? Нет, это невозможно. Не могу вымолвить и слова.

— Ничего, — бормочу, уставившись в пол. — Просто... Я подумала... Как часто вы будете меня навещать?

Спросив это, тут же жалею. В глубине души я знаю ответ, который хочу услышать: «Каждый день. Постоянно». Но моя совесть кричит совершенно противоположное. Нам лучше не видеться часто.

Багир смотрит на меня, и кажется, что видит насквозь.

— Я не буду «навещать», — отвечает. Его тон деловой, отстраненный. — Завтра я пере-
еду в другое крыло этого дома. В комнату для охраны.

Сердце замирает, а потом принимается биться с удвоенной силой. Он будет здесь? Все
время? Внутри что-то поет и трепещет от радости, но разум в ужасе. Мы будем жить под одной
крышей? Одни?

Я густо краснею, и, кажется, Багир понимает мой румянец совсем не так. Его лицо ста-
новится еще более непроницаемым.

— Я получил прямое благословение твоего брата на нахождение рядом, — говорит
твердо. — Для меня долг важнее всего. Ты можешь быть спокойна. Для тебя я не мужчина. Я
тень Мурада. Когда все это закончится и ты будешь в полной безопасности, я исчезну.

Его слова должны были успокоить. Но они ранят острее ножа. «Я исчезну». От этой пер-
спективы внутри все сжимается в тугую болезненный ком.

Что-то огненное и непонятное пылает в моей душе, я не могу это объяснить, не смею
даже мыслями коснуться этого чувства.

Выдыхаю, натягиваю на лицо маску спокойствия и послушания.

— Так правильно, — произношу ровно. — Я понимаю.

Багир смотрит на меня еще секунду, затем открывает дверь. За ней небольшой трена-
жерный зал. Пахнет чистотой и железом. Это его территория. Мне становится не по себе, и я
лишь мельком бросаю взгляд на гантели и штанги.

Багир открывает следующую дверь, и у меня перехватывает дыхание.

Библиотека. Небольшая, но уютная. Полки от пола до потолка, доверху забитые книгами.
Воздух пахнет старыми переплетами, пылью и свободой.

— Мурад приказал собрать, твоя мать дала рекомендации, что ты любишь читать, —
коротко поясняет Багир, останавливаясь на пороге. — Кое-что я от себя добавил.

Забываю о своем смущении, запретных мыслях, страхе. Захожу внутрь, словно в храм.

Пальцами воодушевленно скольжу по корешкам. Учебники по педагогике и психологии.

Классическая русская и зарубежная литература. Пушкин, Толстой, Диккенс, Бронте. И
тут же рядом — современные романы, поэзия.

И вдруг я вижу его. Старый потрепанный томик в синем переплете. «Джейн Эйр» Шар-
лотты Бронте. Моя тайная любовь. Книга, которую я перечитывала украдкой, пряча под мат-
расом, находя в ней отражение своей собственной жажды свободы и достоинства.

Беру ее с полки, прижимаю к груди, как старого друга.

— О, — выдыхаю, листая пожелтевшие страницы. Я не могу сдержать восторженной
улыбки. — Смотрите, это же Джейн... Как она смогла, такая одинокая и бедная, остаться силь-
ной? И мистер Рочестер... такой суровый, с тайной..., но в нем была и доброта...

Бормочу, полностью погрузившись в воспоминания о сюжете, о борьбе героини за свою
любовь и самоуважение. Я поднимаю глаза, чтобы поделиться своим воодушевлением и...

ГЛАВА 7

Багир

Мадина стоит среди полок, прижимая к груди потрепанный синий том, и глаза ее горят чистым живым восторгом. В них, кажется, зажглись целые галактики.

Она улыбается, и эта улыбка такая хрупкая, что я чувствую, как что-то давно забытое и мертвое внутри меня с болью оживает.

— О, смотрите, это же Джейн... Как она смогла, такая одинокая и бедная, остаться сильной? И мистер Рочестер... такой суровый, с тайной..., но в нем была и доброта...

Тихий и полный восхищения голос словно вспарывает грудную клетку. Мадина — воплощение той самой чистоты, которую я давно похоронил вместе со своей семьей.

Она не просто красива. Она живая. И эта жизнь манит меня, как огонь мотылька, суля гибель.

Нельзя этого допустить. Я не могу позволить этому пламени опалить и ее, и меня. Долг... лишь он имеет значение.

Резче, чем следует, я обрываю ее бормотание, и голос мой звучит слишком грубо в тишине библиотеки.

— Достаточно! Пора провести детальный инструктаж по безопасности. У меня нет времени на женские романы, Мадина. Лучше обсуди их с Ликой.

Мой голос звучит куда грубее, чем следует.

Улыбка девушки гаснет. Мадину словно окатили ледяной водой. Она опускает взгляд, поджимает губы, и тонкие пальцы судорожно сжимают край платка. Черт!

Я сорвался. Она не заслужила такого отношения.

— Ведь Бронте в эту библиотеку принес именно ты, — безжалостно напоминаю сам себе. — Ее мать внесла книгу в список, но именно Джейн Эйр как-то в порыве ярости бросил в камин Демид. И чем ты лучше этого монстра?

Прокашливаюсь. Я должен извиниться, но сохранить расстояние между нами. Так нужно. Так... правильно.

— Прости за резкость, Мадина. Просто женские романы... не моя стихия. Пойдем в гостиную.

Девушка кивает и послушно идет за мной, опустив голову, как провинившийся ребенок. Она похожа на испуганного зверька, которого только что приручили, а потом нечаянно спугнули. Чувство вины съедает меня изнутри.

В гостиной я усаживаю Мадину на диван и начинаю инструктаж. Говорю жестко, уверенно, выкладывая всю суровую правду о ее положении.

— Никаких звонков матери и сообщений в социальных сетях. Даже старым подругам. Один неверный шаг, одна случайная фотография и Газали выйдет на след. Твой отец уже использует все свои связи, чтобы найти тебя. Они не остановятся, Мадина. Они убьют тебя, чтобы сохранить свою честь, которую сами же и растоптали.

Смотрю на нее, стараясь донести всю серьезность ситуации. Мадина слушает, не поднимая глаз, лишь изредка кивая. Тонкими пальцами все так же сжимает платок. Они у нее очень длинные и изящные.

Мне вдруг до боли хочется взять ее руку в свою, успокоить, согреть. Сказать что-то ласковое. Но вместо этого я начинаю говорить жестче.

— Все поняла? Это не игрушки. Цена ошибки — твоя жизнь.

— Поняла, — шепчет, не поднимая взгляд.

Мне снова становится стыдно. Но я понимаю, что, если буду мягок, случится непоправимое.

Она молода, невинна, ее сердце ищет опору. А я единственный мужчина рядом.

Мадина может увлечься, привязаться. И я могу. Но Мурад доверил мне свое сокровище не для того, чтобы я его осквернил...

Прошло пять лет после того, как я потерял жену и дочь.

Пять гребанных лет, превративших меня в машину для убийств. Или я всегда был таким? И спокойная тихая жизнь — лишь иллюзия?

Я ищу тех, кто отдал приказ. Уверен, что это привет из прошлого. Когда я служил в личной гвардии олигарха Аслана Жантиева.

Но вещи, которые я видел, сломали меня. Я ушел.

Сейчас выслеживаю молодого выродка, сына одного из подручных Жантиева, который балуется, опаивая и насилюя девушек. Он моя жертва.

Я пью безвкусный виски, не спуская взгляда с ублюдка, как вдруг ко мне подсаживается мужчина. Строгий, с холодными стальными глазами.

— Багир? — говорит безо всяких предисловий. — Меня зовут Мурад, и у меня есть для тебя работа.

— Я ни на кого не работаю, — отвечаю равнодушно.

— Даже за информацию об убийцах твоей семьи?

Мир замирает. Я смотрю на этого человека и вижу понимание. Словно он тоже потерял кого-то важного.

Мурад молча протягивает мне папку. Открываю ее. Там фотографии, документы. Имена. Те, которые я искал все эти годы.

— Кто ты такой? — спрашиваю хрипло.

— Тот, кто предлагает тебе не работу, а смысл. В мести чести нет. Работай на меня и очистишь мир не только от таких, как он, — Мурад кивает на утырка, — но и от остального мусора.

Смотрю на него. И соглашаюсь. Не из-за информации.

А потому что впервые за пять лет кто-то видит во мне не инструмент, а человека.

— Багир?

Тихий мягкий голос возвращает меня в настоящее. Смотрю на Мадину. Она бледная и усталая. Я вымотал ее своим инструктажем.

— Я устала. Могу пойти почитать немного?

— Конечно иди...

Она встает, все так же не поднимая на меня глаз, и семенит к выходу. Ее силуэт в строгом синем платье кажется хрупким и одиноким.

Внезапно меня пронзает жестокое понимание: я не хочу, чтобы она уходила. Не хочу оставаться один в этой гулкой тишине.

— Мадина, — окликаю ее хрипло.

Девушка останавливается у лестницы, оборачивается. Огромные карие глаза, полные вопросов и сомнений, встречаются с моими.

— Останься...

ГЛАВА 8

Мадина

Останься...

Слово повисает в воздухе, заставляя мое сердце совершить сальто прямо в груди. Я замираю на месте, как перепуганный заяц, увидевший волка. Ноги прирастают к полу.

Багир опускается на диван. Пружины скрипят под его весом.

— Садись, — говорит, его голос низок, но в нем нет прежней резкости. Он указывает рукой на место рядом с собой.

Я подчиняюсь. Словно во сне опускаюсь на самый краешек, так, что между нами остается почти метр пространства.

Но даже этого расстояния достаточно, чтобы его запах ударил мне в голову, закружил ее, как крепкий напиток.

Мне хочется придвинуться ближе, вдохнуть его полной грудью, и эта мысль такая навязчивая, что дыхание перехватывает.

Несколько секунд мы сидим в тишине. Я сжимаю влажные ладони в кулаки, уставившись на свои туфли.

— Расскажи, — вдруг говорит Багир мягко, нарушая тягостное молчание. — О той книге. «Джейн Эйр». Почему она тебе так нравится?

Поднимаю на него взгляд. Мужчина смотрит на меня без привычной суровости, с искренним любопытством. Сердце вдруг замирает, а потом пускается в пляс.

— Она сильная, — начинаю, и голос сначала дрожит, но с каждым словом звучит увереннее. — Джейн была одна, бедна, никто ее не любил. Но внутри у нее был стержень. Она не позволила себя сломать. И когда мистер Рочестер, ее господин, полюбил ее, она не потеряла себя. Сбежала, когда узнала, что он связан узами с безумной женой. Она предпочла голод и нищету жизни в грехе.

Багир слушает, не перебивая, его взгляд прикован к моему лицу. Это придает мне смелости.

— А мистер Рочестер? — спрашивает он, подперев голову рукой. — Он что, злодей?

— Нет! — восклицаю я, забыв о смущении. — Он был суровым, замкнутым, с тяжелой судьбой. Но под этой грубостью скрывалась добрая душа. Он видел в Джейн не бедную гувернантку, а равную себе. И боролся за нее, как мог. Пусть и неправильными способами.

— То есть, по-твоему, грубость и суровость — это не всегда плохо? — уточняет Багир, и на его губах появляется едва заметная улыбка.

Я краснею, понимая, о ком мы оба подумали.

— Это зависит от того, что скрывается внутри, — тихо говорю. — Если за грубостью честь и желание защитить, то... это можно понять.

Мы молчим. Осмеливаюсь поднять глаза на мужчину. Его шрам не уродлив, это знак испытаний, которые он перенес. Знак силы.

— Спасибо, — вдруг говорит Багир, и его голос снова становится жестким. — Теперь я понимаю, почему эта книга для тебя важна. Но сейчас уже поздно. Пора спать, Мадина.

Сердце сжимается от разочарования. Не хочу, чтобы этот разговор заканчивался.

— Я переночую в соседнем крыле, — добавляет Багир, вставая. — Тебе нечего бояться. Спи спокойно.

Киваю, пытаюсь скрыть непослушную улыбку, которая лезет на губы. Он будет рядом. Эта мысль согревает меня изнутри, как глоток горячего чая в стужу.

Поднявшись в свою комнату, захожу в ванную. Долго стою перед зеркалом, изучая свое отражение. Худая, плоская, как доска. Узкие бедра. Нет и намека на соблазнительные изгибы. Вряд ли Багир воспримет меня как женщину.

Паника накатывает волной. Такая, как я, никогда не привлечет такого, как он.

Судорожно натягиваю самую закрытую ночнушку с длинными рукавами и забираюсь под одеяло. Но сон не идет.

Когда я наконец проваливаюсь в забытие, мне снится он.

Багир.

Большие шершавые ладони скользят по моим плечам, сбрасывая ткань ночнушки. Его прикосновения обжигают кожу, но это сладкий пьянящий жар, от которого все внутри сжимается и трепещет. Багир касается моей маленькой груди, и я стою, выгибаясь, хотя меня учили, что это позорно.

Его губы находят мои, и мир взрывается. Внизу живота рождается странная, тяжелая, пульсирующая волна, которая нарастает, заставляя меня метаться по постели. Это что-то новое, пугающее и невероятно приятное. Я тону в этом ощущении, кричу, но крик застревает в горле.

Просыпаюсь от собственного стога. В комнате темно. Я вся в поту, сердце колотится, как бешеное. А внизу живота влажная, навязчивая, смущающая тяжесть. С ужасом касаюсь пальцами внутренней стороны бедра. Они мокрые.

Что это? Со мной что-то не так?

В панике вскакиваю с кровати и бегу в ванную. Смываю следы своего позора, стараюсь не смотреть на себя в зеркало. Но странное щемящее желание не уходит. Оно сводит меня с ума. Хочется чего-то, но я не знаю, чего именно. Освободиться от этого напряжения, но как?

В итоге сажусь на кровать и снова открываю «Джейн Эйр». Читаю до тех пор, пока буквы не начинают расплываться перед глазами. Засыпаю сидя, с книгой на коленях.

Утро. Я открываю глаза и понимаю, что меня накрыли одеялом. Книга аккуратно лежит на тумбочке, а в ней новая бархатная закладка.

Ужас леденит мою кровь. Багир был здесь ночью. В моей спальне, пока я спала. Видел ли он меня? Слышал ли стоны? Видел ли мой позор?

Быстро одеваюсь и спускаюсь вниз. На кухне пахнет кофе и яичницей. Там Лика.

И к собственному ужасу, я чувствую не облегчение, а острое разочарование. Не хочу видеть Лику. Хочу видеть Багира. Слышать его хриплый голос.

— Я падаю все ниже, — думаю с отвращением. — Мои мысли грешны и недопустимы.

— Доброе утро, Мадина! — Лика улыбается мне спокойной улыбкой. — Как спалось?

— Хорошо, — бормочу, садясь за стол.

Мы едим молча. Я хочу поговорить с братом. Как там Мурад? Мы с ним очень долго не общались.

— Мадина, — вдруг говорит Лика, поставив свою чашку на стол. — Расскажи мне о своей жизни. До всего этого. Что ты любила делать? О чем мечтала? Мне нужно понять тебя, чтобы помочь адаптироваться.

Я вздыхаю. С чего начать?

— Жизнь в доме отца... — начинаю осторожно. — Это как быть дорогой фарфоровой куклой на полке. Красиво, чисто, но нельзя сделать ни шага без спроса. Уроки, чтение Корана, рукоделие. Выход в город только с отцом или охранником, и то редко. Платья только закрытые, скромные. Взгляд в пол. Мысли только о будущем замужестве, угодном семье. Я поступила в университет тайком. Отец узнал и сказал, что я опозорила его. Что мое место в доме мужа, рожать детей и слушаться.

Лика слушает, кивая, ее взгляд полон понимания.

— А мальчики? — мягко спрашивает она. — Никогда ни к кому не чувствовала симпатии? Хотя бы тайком?

И тут без моего разрешения в сознании возникает он. Багир. Его стальной взгляд, шрам, низкий голос, который заставляет меня трепетать. Гоню этот образ прочь, чувствуя, как щеки пылают.

— Нет, — отвечаю. — Конечно, нет. Мне нельзя было даже смотреть на посторонних мужчин.

Лица смотрит на меня внимательно и, мне кажется, видит меня насквозь.

— Понимаешь, Мадина, — говорит задумчиво, — сейчас твоя жизнь изменилась. И нормально, если тебе будет нравиться мужчина. Это естественно. Например, я считаю Багира очень интересным. Сильным. Привлекательным. Может, стоит узнать его получше?

Она улыбается, и ее слова вонзаются в сердце, как острый кинжал. Ядовитая ревность обжигает изнутри.

Она? Она хочет сблизиться с Багиром? С моим Багиром?

ГЛАВА 9

Багир

В гостиной воцаряется гулкая и давящая тишина. Я остаюсь сидеть на диване, прислушиваясь к отзвукам шагов на лестнице. И к тому, что творится внутри меня.

Буря.

Черт! Мое сердце, этот давно заледеневший кусок мяса, отзывается на Мадину глухой, настойчивой болью. Оно бьется чаще, когда она рядом, и замирает в тоскливом ожидании, когда она уходит.

Эта малышка с глазами газели всколыхнула во мне то, что я давно похоронил вместе с женой и дочерью.

Трясу головой, чтобы прогнать наваждение.

Мне сорок. Мадине восемнадцать.

Она сестра моего босса, Мурада Горцева. Невинна, как утренний снег, а мои руки по локоть в крови. Я не имею на нее никаких прав! Никаких! Даже мысли о Мадине уже предательство.

Резко встаю, диван отвечает стонущим скрипом. Мне нужно занять себя чем-то. Уйти. Выбить эту дурь из головы.

Крыло охраны встречает меня спартанской пустотой. Срываю с себя футболку, скидываю штаны. Захожу в душ, чтобы хоть немного охладиться.

Но даже холодная вода не может успокоить меня и вымыть из головы нежный образ Мадины.

Вспоминаю, как ее взгляд, полный недетского понимания, скользнул по шраму на моем лице. Малышка не испугалась. Не осудила. Она приняла. Как данность.

Она невероятно проницательная для своих лет. Слишком. И это опасно.

Помимо воли мозг выдает картинку: красивое личико, огромные карие глаза в пол-лица. Пухлые, чуть приоткрытые губы.

Член тут же отвечает на этот немой зов. Наливается свинцовой тяжестью, встает в боевую стойку. Я скептически дергаю бровью, глядя вниз.

— Ну и? — хрипло бросаю в пустоту. — Чего стоим? Тут, кроме нас никого нет.

Вывод простой и унижительный: мне нужна женщина. Я больше месяца никого не трахал.

После потери семьи я иногда снимаю напряжение со случайными знакомыми. Без эмоций или фантазий. Чистая механика. Просто животный секс.

Но с Модиной в моей башке что-то сломалось окончательно.

От одной мысли, как я сниму с нее этот шелковый платок... как рассыплются по плечам темные длинные волосы, у меня яйца сводит от боли.

Блядь, это всего лишь платок! Что же будет, если эти огромные глазищи будут смотреть на меня томно, с искренним, неподдельным желанием...

Рука сама тянется к члену. Обхватываю его, и по спине бегут мурашки. Я не позволяю себе думать ни о чем, кроме ее глаз, губ, волос. Этого достаточно. Больше — это уже оскорбление.

Оргазм накатывает слишком быстро и сокрушительно, оставляя после себя пустоту и горькое послевкусие. Мало!

Смываю сперму с ладоней и понимаю: мне срочно нужна женщина! Чтобы стереть навязчивый нежный образ и не натворить дел. Дожил!

Взрослый мужик, наемник и убийца дрожит на взгляд юной девственницы, сестры своего босса. Совсем крыша поехала.

Вспоминаю психолога Лику. Взрослая, умная, привлекательная женщина. Уже не раз ловил ее взгляд с намеком. Она очень даже не против познакомиться поближе. Нужно будет завтра же пригласить ее куда-нибудь. В бар.

И снять напряжение.

Выхожу из душа, ложусь на голый матрас. Но сон не идет. По коже бегают мурашки. Все мысли заняты Мадinou. Резко сажусь, зарываюсь пальцами в короткие волосы.

Решаю обойти периметр. Хотя какое-то дело. А то так с ума сойду!

Достаю телефон, набираю Николая. Молодой парень, сидит на наблюдении.

— Ник, докладывай.

— Все чисто, шеф. Ночь спокойная, никакой подозрительной активности.

— Продолжай наблюдать. — Отключаюсь.

Обхожу участок. Тихо. Пусто. Возвращаюсь в дом. Ноги сами несут меня наверх, на второй этаж.

Зачем, черт возьми? Но меня туда тянет, словно магнитом.

Останавливаюсь у двери спальни Мадины. Стою, как идиот, слушаю тишину. И тут из комнаты доносится тоненький, словно испуганный вздох:

— Багир...

Сердце падает в пятки. Она зовет меня? Что-то случилось? Аккуратно, бесшумно приоткрываю дверь.

Мадина ворочается в постели, сбив одеяло. В руках зажата та самая «Джейн Эйр». На красивом личике беспокойство, губы шепчут что-то нечленораздельное. Она мечется на постели.

Кошмар приснился?

Подхожу ближе. Осторожно, чтобы не разбудить, забираю у нее книгу. Беру из ящика закладку-ленточку, которую зачем-то купил для нее. Вкладываю между страниц и кладу томик на тумбочку.

И тут взгляд падает на Мадину. Хрупкая, тоненькая. Длинная изящная шея, небольшая грудь, длинные ноги. Она словно обещание. Невинное и оттого еще более порочное.

Фантазия тут же рисует картины, от которых перехватывает дыхание. Как эта ночнушка скользит с ее плеч на пол. Как Мадина смотрит на меня этими огромными глазами, полными доверия и пробуждающейся страсти. Как ее губы...

Сглатываю ком в горле. Руки сами тянутся к ней, но я сжимаю их в кулаки. Нет. Никогда!

Резко наклоняюсь, натягиваю на нее сброшенное одеяло, укутываю плотнее. Ее легкий, цветочный аромат бьет в нос, сводя с ума.

Разворачиваюсь и почти бегу из комнаты, закрывая за собой дверь.

Спускаюсь вниз, направляюсь в свою берлогу. Стою посреди комнаты, рычу как загнанный зверь.

Да. Завтра же я найду женщину. Приглашу Лику, да кого угодно! Нужно сбросить это напряжение. Иначе случится беда.

Иначе я совершу то, за что Мурад меня пристрелит на месте. И будет прав.

Я не могу осквернить ту, которую должен защищать. Даже если это осквернение — единственное, чего жаждет все мое существо...

ГЛАВА 10

Мадина

Завтрак затягивается, превращаясь в пытку. Кусок застревает у меня в горле. Лика, доев свою порцию, отодвигает тарелку и смотрит на меня пронзительным, изучающим взглядом. Кажется, эта женщина видит все мои потаенные мысли. Мне хочется провалиться сквозь землю.

— Мадина, давай поговорим о твоей вере, — начинает она мягко. — Это важная часть твоей жизни. Религия для тебя — это в первую очередь правила и запреты или что-то другое?

Я киваю, чувствуя, как на щеках выступает румянец. Говорить о таком с почти чужой женщиной кажется мне кощунством. Но я обязана отвечать.

— Это... основа, — тихо говорю я. — Молитва, очищение, смирение перед Волей Всевышнего... Это даёт покой и порядок.

— А о чем ты просишь Его сейчас? — вопрос застаёт меня врасплох.

Я замираю. О чем? О безопасности, здоровье мамы и Мурада.

И... чтобы этот странный, сжимающий мою душу жар прошел. Чтобы Всевышний простил мои грешные мысли и сны.

— О разном, — выдыхаю, не в силах сказать правду.

Лика тепло улыбается и кладет свою руку поверх моей. Ее прикосновение легкое, но оно заставляет меня вздрогнуть.

— Твоя вера прекрасна, Мадина. И никто не потребует от нее отказаться. Но некоторые установки, которые привил твой отец... словно цепи. Их придется ослабить, если ты хочешь быть по-настоящему счастливой.

От ее слов мне становится страшно. Это все, что я знаю. Без них я распадусь, перестану быть цельной. Ведь снаружи порочный, страшный мир, в котором я потеряюсь и погибну.

— Но... без них я стану грешной. Как все в этом мире, — мой голос дрожит.

— Грешность этого мира тут ни при чем, детка, — качает головой Лика. — Решать, какой тебе быть, можешь только ты сама. Не твой отец или традиции, а твое сердце.

В этот момент дверь на кухню заходит Багир.

В обтягивающей футболке цвета хаки, через которую проступают могучие мускулы и камуфляжных штанах.

На широком ремне кобура с пистолетом. Вздрагиваю.

Вид оружия всегда вызывал во мне животный ужас. Но сейчас, глядя на Багира, я понимаю: это часть мира, в который я попала. Инструмент защиты.

— Доброе утро, — его низкий голос проносится по кухне, и я густо краснею. В памяти тут же всплывают обрывки того стыдного сна: его шершавые ладони на моей коже, жар... становится душно.

— Багир! — голос Лики звучит слишком оживленно, почти игриво. Она поворачивается к нему, и ее улыбка становится хищной. — А мы тут с Мудиной беседуем о высоком. Присоединишься? Уже успел пробежаться, богатырь?

Она смотрит на него с таким открытым восхищением, что у меня в груди закипает что-то темное и неприятное. Сжимаю пальцы в кулаки под столом.

И самое ужасное не в ее кокетстве. А в том, что Багир в ответ усмехается. Отвечает.

— Только встал, — коротко бросает он, подходя к кофемашине. — Какие планы на день?

Этот простой обмен любезностями между ними ранит меня острее любого ножа. Почему?

Почему-то, как он улыбается другой женщине, вызывает физическую боль? Это все та же тяжесть внизу живота, но теперь она сопровождается тошнотой.

Не могу этого вынести. Мне нужно бежать!

— Мне нужно... дочитать, — лгу я, вскакивая с табурета. Голос звучит резко и неестественно. — Простите.

Вылетаю из кухни, как ошпаренная. В ушах звенит, а изнутри меня разъедает непонятная злость.

— Мадина.

Я замираю, не оборачиваясь. Багир догоняет меня.

— Сегодня после обеда сможешь пообщаться с братом. — говорит, вставая передо мной. Его глаза темны и непроницаемы. — По видеосвязи.

Сердце замирает, а потом заходится в радостном трепете. Мурад! Наконец-то я услышу его голос, увижу, что с ним все в порядке.

— Правда? — стараюсь говорить сдержанно. Сама не понимаю, откуда во мне эта ледяная отстраненность. Ведь внутри я так счастлива.

— Да. Я все организую.

— Хорошо. Я буду готова после дневного намаза.

Кивнув, прохожу мимо него в свою комнату.

Перед глазами стоит картина: его улыбка, обращенная к Лике. Запираюсь в спальне, хватаю «Джейн Эйр», но буквы пляшут перед глазами.

— Он лишь защитник, — сурово говорю я себе. — Тень Мурада. Ты для него — обязанность. Запомни это.

К обеду внутреннее напряжение достигает предела. Я спускаюсь на кухню, чтобы приготовить себе чай.

Но вдруг до меня доносится приглушенный, ритмичный звук. Скрежет, стук металла. Он идет из-за двери в спортзал.

Ноги сами несут меня туда. Крадусь, словно воришка, и приоткрываю тяжелую дверь на сантиметр.

И замираю.

Багир стоит спиной ко мне, он лишь в низких спортивных штанах. Его спина — это рельефный рисунок из мощных мускулов, играющих под кожей цвета темной бронзы.

Он яростно, с низким рыком, поднимает перед собой тяжелую гирю. Каждое движение отточено, наполнено звериной силой.

Покрытая шрамами кожа лоснится от пота, который стекает по впадине вдоль позвоночника, исчезая под тканью штанов. Его тело — воплощение дикой, первобытной и совершенной мощи.

Я не могу оторвать взгляд. Во рту пересыхает. А внизу живота вспыхивает знакомый, влажный и пугающий жар. Он пылает, нарастает, заставляя меня сжимать бедра.

Мысли путаются, в голове шум. Я хочу... хочу... не знаю, чего. Прикоснуться к этой силе. Ощутить ее на себе. Раствориться в ней. Но внезапно над ухом раздается голос Лики.

— Мадина? А что ты здесь делаешь?

ГЛАВА 11

Багир

Завтрак превращается в самую изощренную пытку.

Сажу за кухонным столом, вроде бы слушаю, как Лика что-то оживленно рассказывает о новом методе арт-терапии. Киваю и делаю вид, что мне интересно. Но взгляд предательски снова и снова соскальзывает с ее милого лица на Мадину.

Лика красива, сексуальна, уверена в себе. Все, что нужно взрослому мужчине для простого, ни к чему не обязывающего флирта. Но когда я смотрю на нее, внутри тишина и пустота. Мертвый штиль.

А потом я снова смотрю на Мадину.

Она сидит, сторбившись над тарелкой, будто хочет стать невидимкой. Огромные карие глазищи, обычно такие живые, сверлят поверхность стола. И в них я читаю обиду. Острую, как лезвие. Она видит, как я общаюсь с Ликой. И это ее ранит.

От немой боли в глазах девушки у меня в груди сжимается холодный и тяжелый ком. Черт! Это не должно меня волновать. Я должен быть равнодушен. Но ее обида режет меня по живому, заставляя чувствовать вину, которую я не заслужил и не просил.

— Так правильно, — сурово напоминаю себе. — Мне ее нельзя. Я ее защитник. Тень Мурада. И точка.

— Багир, а ты что думаешь? — голос Лики вырывает меня из тягостных раздумий.

Моргаю. Просто смотрю на нее, не понимая вопроса.

— О чем?

— Я предлагаю свозить Мадину в парк через пару дней под усиленной охраной, конечно. Смена обстановки пойдет ей на пользу.

— Нет, — отвечаю резче, чем нужно. Брови Лики ползут вверх. В ее глазах интерес, смешанный с вызовом. Она начинает флиртовать, кокетничать. — Слишком рано. Газали мог оставить здесь своих шакалов. Пока не будет полной чистки, ни о каких прогулках речи быть не может.

— Какой ты суровый, — тянет она, облизывая пухлые губы. Ее взгляд скользит по моим плечам, груди. Откровенный, приглашающий. — Всегда только работа, опасность. А когда отдых? Ты о себе вообще думаешь?

Лика — именно та женщина, которая мне нужна, чтобы стереть из памяти хрупкий образ Мадины. С ней можно спустить пар. Тело должно откликаться, но... Заставляю себя улыбнуться. Сделать шаг навстречу.

— Отдых? — повторяю, и голос звучит фальшиво. — Может, завтра? В баре. Обсудим... все, что угодно. В том числе... отдых.

— О, это звучит многообещающе, — Лика улыбается, и в ее глазах вспыхивает огонь.

А вот внутри меня ничего. Ни единой искры. Нигде ничего не шевелится. Только тяжесть и осознание собственного лицемерия.

В этот момент Мадина резко встает. Ее стул с грохотом отъезжает назад.

— Мне нужно... дочитать, — бросает она, и ее голос звучит надломленно. Не глядя ни на кого, она вылетает из кухни.

Вина накатывает мощной волной. Я видел, как она сжалась, услышав мое приглашение Лике. Черт побери! Но так же правильно, мать вашу!

— Что с ней? — удивленно разводит руками Лика.

— Шок, — отрезаю, поднимаясь. — Адаптация. Не лезь к ней с расспросами.

Не глядя на психолога, выхожу в коридор. Мадина уже на полпути к лестнице.

— Мадина.

Она замирает, словно испуганный зверек, но не оборачивается. Тонкие плечи напряжены.

— Сегодня после обеда, — говорю я, подходя ближе, — сможешь пообщаться с братом по видеосвязи.

Она медленно поворачивается. И в ее глазах, еще секунду назад полных боли, вспыхивает чистый яркий огонек радости. У меня перехватывает дыхание. Мадина похожа на ребенка, которому подарили целый мир.

— Правда? — шепчет она.

Но почти сразу же ее лицо снова становится холодным и отстраненным.

— Хорошо. Я буду готова после дневного намаза.

Малышка разворачивается и уходит. Ее холодность бьет сильнее, чем любая обида. Я стою, сжав руки в кулаки, и чувствую, как почва уходит из-под ног. Что, черт возьми, со мной происходит?

Вернувшись в свое крыло, пытаюсь работать. Проверяю отчеты от Николая. Газали, оказывается, уже укатил к себе на родину. Но оставил здесь группу своих головорезов. Они работают на Демида. Отец продал дочь, а теперь помогает жениху ее найти и, судя по всему, уничтожить.

Я отправлю их в ад! Лично!

Но даже ярость не может вытеснить из головы образ Мадины. Это не просто влечение. Что-то глубже. Темное, цепкое чувство, проросшее в самое сердце. Я боюсь этого. Оно опаснее любой пули.

Нужно спустить пар. Выбить эту дурь из головы физической нагрузкой.

Иду в спортзал. Скидываю футболку. Беру гирию потяжелее. Пытаюсь болью выжечь Мадину из своего сознания. Железо послушно, оно не предаст.

И вдруг... я чувствую ее взгляд. Он скользит по моей спине. Полный любопытства. Мадина стоит за дверью и смотрит. Касается меня этим взглядом.

И мне это нравится. Дико, порочно. От ощущения ее пристального взгляда кровь приливает к паху, заставляя член напряженно пульсировать. Я продолжаю работать, выкладываясь еще больше, демонстрируя грубую силу.

Пусть видит. Пусть боится. Или... пусть хочет.

Вдруг снаружи доносятся голоса Лики и Мадины. Резко обрываю подход, набрасываю полотенце на плечи и выхожу.

Мадина стоит бледная, как полотно. Огромные глаза полны стыда и страха. Увидев меня, она вся вздрагивает, словно пойманная на месте преступления, и пулей вылетает в коридор.

Лица смотрит ей вслед, задумчиво покачивая головой. Затем разворачивается ко мне.

— Кажется, твоя подопечная созрела, Багир, — тихо говорит, и в ее голосе нет ни кокетства, ни злорадства. Только констатация факта. — И ей, похоже, нравишься именно ты.

Я стою, чувствуя, как по спине бегут мурашки. Эти слова не радуют. Они повергают в леденящий ужас. Потому что Лица права.

И потому что в самой глубине мертвого сердца я безумно рад это слышать...

ГЛАВА 12

Мадина

Пулей взмываю на этаж и влетаю в спальню. Запираюсь, прислоняюсь спиной к прочной двери и замираю.

Сердце бешено колотится где-то в висках, готовое выпрыгнуть из груди и умчаться прочь. Щеки пылают огнем.

А в голове одна-единственная ужасная мысль: он видел! Багир понял! Он знает, что я стояла и смотрела, как он занимается... подсматривала, как порочная девка. Но я просто не могла оторвать взгляд!

Всевышний! Что со мной творится? По щекам катятся предательские слезы, я обнимаю себя за плечи, будто пытаюсь удержать цельной, и медленно сползаю на пол. Нельзя мне так!

Пялиться на полуголого мужчину неприлично, грешно! Неужели я... неужто я такая же, как все те женщины, о которых с таким презрением говорил отец?

— *Ну почему мне нельзя пойти? — вслух вздыхаю я, глядя, как папа ловко повязывает галстук перед зеркалом. — Это же просто спортивный клуб! Я могла бы подкачаться... стать красивее.*

Я ведь совсем худющая, кожа да кости. Мой будущий муж, если осмелится меня обнять, весь в синяках ходить будет!

— *Потому что только шлюхи надевают обтягивающую одежду и трясут своими прелестями, соблазняя мужчин, — его голос холоден, как сталь. — Твоя задача не мышцы качать, а детей рожать. Запомни раз и навсегда. Ты должна быть послушной. И смотреть на мужчин тебе тоже не положено. Выйдешь замуж, будешь на мужа одного любоваться. Все остальное — страшный грех, Мадина.*

— *Но, папа...*

— *Я всё сказал! — рычит он и, не оборачиваясь, выходит из гостиной.*

Неужели я и вправду шлюха? Потому что в моей голове роятся эти порочные, непотребные мысли о Багире?

Мне нужно молиться! Умолять Всевышнего, чтобы он вырвал из моего сердца и памяти этот навязчивый образ взрослого, запретного для меня мужчины! Мне нельзя! Нельзя!

Но так хочется...

Я вскакиваю на ногу и бегу к кровати, но тут же замираю у окна.

К нашим воротам плавно подкатывает черная большая машина с тонированными стеклами. Из нее молча, словно тени, выходят трое кавказцев в камуфляже. Ох!

Они медленно осматривают территорию. И вдруг взгляд одного из них, тяжелый и пристальный, поднимается прямо к моему окну. Пугаюсь и отскакиваю, прячась за складками шторы. Зажимаю рот ладонью, чтобы не вскрикнуть.

Краешком глаза продолжаю наблюдать.

Что делать? Они за мной? От страха тело деревенеет, не могу пошевелиться.

И тут...

Видю, как из дома выходит Лика. На ней лишь тонкая майка и короткие шорты. Всевышний, что она делает?! Они же опасны! Вон, на поясах пистолеты!

Во все глаза смотрю на психолога. Та смело открывает калитку и выходит за забор.

Мужчины тут же поворачиваются к ней. Естественно! Она ведь очень красива... Стройные ноги, упругая попа. Грудь третьего размера. Белые длинные волосы ниспадают на плечи.

Продолжаю следить, затаив дыхание.

Ли́ка небрежно откидывает волну светлых волос и подходит к ним ближе. Мужчины всецело переключаются на нее. Она выгибает спину, словно кошка, наматывает прядь на палец... что-то им говорит. Кавказцы переглядываются, ухмыляются.

Мерзко... Похабно...

Но ведь порядочный кавказский мужчина не имеет права вести себя так! Не только женщины должны быть верными и чистыми. Для мужчин тоже есть правила! А эти, хоть и с бородами, смотрят, как похотливые животные.

Багир не такой. Он даже флиртует как-то сдержанно... От этих мыслей в груди разливается жгучий жар ревности. Не хочу вспоминать, как они с Ликой договаривались пойти в бар!

А что потом? Выпьют и поедут в отель? И дальше...?

Он будет ее касаться и целовать? Сжимать ее бедра огромными ладонями? Заставлять ее стонать?

Ядовитое чувство сжимает горло, душит. И я вдруг с ужасом ловлю себя на мысли: хочу, чтобы Ли́ки не было. Чтобы она просто исчезла! И остались только я и... он...

Движение за окном вырывает меня из плена грешных мыслей. Пока трое в камуфляже обступают Ли́ку, со стороны, словно из-под земли, возникает Багир. Несколько резких сокрушительных ударов и враги, не успев опомниться, уже лежат на земле.

В руке у Ли́ки пистолет, Багир кому-то звонит. Его лицо напряжено и сурово. Какой же он... мужественный! А Ли́ка ведет себя так спокойно, будто для нее это обычное дело.

Больше не могу смотреть на мертвые тела. Разворачиваюсь и бегу в ванную. Меня выворачивает наизнанку. Паника, наконец, вырывается наружу, скручивая внутренности в тугий болезненный узел. Опорожняю желудок, пока силы окончательно не покидают меня.

И вдруг раздается тихий стук. Багир...? Это он!

Торопливо полощу рот и выскакиваю, распахи́ваю дверь.

— Ли́ка? — выдыхаю, и разочарование горьким комом встает в горле.

— Могу войти? — тихо произносит. — Знаю, не меня ты ждала. Он уехал... разбираться.

Впускаю психолога в спальню. Она мягко опускается в кресло.

— Он... он их убил? — тихо, почти шепотом спрашиваю я, семена к кровати.

Ли́ка лишь коротко кивает.

— Приказ Мурада Демидовича вполне конкретный: уничтожить всех, кто посмеет к тебе приблизиться. Твой отец, судя по всему, прочесывает страну, каждый уголок. Этот отряд был похож на разведку. Теперь главное, чтобы их отсутствие заметили как можно позже.

— Но как?

— Багир спец, он все уладит. Но, Мадина... — Ли́ка смотрит на меня пристально, — я хочу поговорить с тобой. Серьезно. Как женщина с женщиной.

ГЛАВА 13

Мадина

Замираю, затаив дыхание, словно маленький зверек, пытающийся притвориться мертвым. Она хочет говорить о Багире? Собирается заявить на него свои права? Или сейчас станет отчитывать меня за тот жалкий, подлый поступок... за то, что я подсматривала?

И тут из самой темной глубины души поднимается что-то злое, почти дикое. Нет! Я не отдам его! Всё моё естество уже присвоило моего защитника. По крайней мере, без борьбы я не отступлю.

Непроизвольно вздергиваю подбородок. Мои глаза вспыхивают холодным огнём.

— Вижу, ты уже поняла, о ком речь? — Лица широко и спокойно улыбается.

Я буквально ошетиливаюсь. Сама себя не узнаю. Что творится с моим сердцем? Почему этот яд так легко заполняет меня?

— Вы хотите, чтобы я не смотрела на Багира? — произношу холодно, и мой голос словно соткан из льда.

Лица лишь удивлённо хлопает длинными ресницами. В её глазах самое что ни на есть искреннее непонимание. А затем...

— А-ха-ха-ха! — она вдруг заливается звонким беззлобным смехом, от которого у меня за считанные секунды вспыхивают щёки и уши.

Я сказала что-то нелепое? Почему она смеётся? От стыда готова провалиться сквозь землю.

— Так и знала, — вытирает она проступившие от смеха слезинки. — Поняла по твоей реакции, когда он пригласил меня в бар. Это же чистейшей воды ревность, детка.

Поджимаю губы, чувствуя, как по спине разливается жгучий стыд. Мама всегда учила, что это мужчина должен добиваться женщину. Выходит, это я распутная и доступная? Я та, что сама...

— Не терзай себя. Если у меня и были какие-то мимолётные мыслишки на его счёт, — Лица внезапно становится серьёзной, её взгляд твёрд и прямолинеен, — то сейчас их уже нет.

— Почему? — выдавливаю из себя, с трудом разлепляя губы.

— Я не стану вступать в эту борьбу, Мадина. Хотя бы потому, что мой интерес не был серьёзным. Я не ищу сейчас отношений с женщиной. Да и Багир абсолютно холоден ко мне. Думаю, он пригласил меня лишь за тем, чтобы самому не заглядываться на тебя.

Сердце вдруг срывается с места и начинает колотиться с утроенной силой, вырываясь наружу, грозясь выломать грудную клетку. Я... ему нравлюсь? От этих слов щёки заливают такой густой пунцовый румянец, что, кажется, вот-вот сгорю.

— Так что успокойся, я здесь исключительно как психолог. Именно поэтому и пришла. Хочу поговорить с тобой по-женски. Но... — Лица делает небольшую паузу, в её глазах читается понимание, — если между нами теперь что-то не так из-за твоих чувств или ревности, я всё пойму. И попрошу прислать к тебе другого специалиста. Он поможет тебе адаптироваться.

Она пристально смотрит на меня, ожидая ответа. А я ловлю себя на том, что та злоба, что кипела во мне минуту назад, бесследно улетучилась. Обида схлынула, стоило Лице лишь признать, что Багир ей безразличен. На душе стало так легко и даже немного пусто.

— Нет, — тихо говорю, не в силах сдержать робкую улыбку. — Между нами нет... никаких проблем. Правда.

— Супер! — по-доброму улыбается Лица. — Тогда договорились. Пообщаемся позже, после твоей беседы с братом.

БРАТ!

Сердце ёкает, заставляя меня вздрогнуть. Из-за всей этой суеты с перестрелкой и Багиром я совсем забыла о звонке Мурада! Лица ненадолго выходит и возвращается с ноутбуком.

— Здесь установлена защита от слежки и кое-какие другие полезные штуки, — объясняет она, открывая крышку. — Можешь выходить в интернет и ничего не бояться. Пока Багир разбирается с нашими непрошеными гостями, я настрою соединение, и ты сможешь поговорить с братом.

Меня накрывает волна паники. Мурад...

В последний раз я видела его, когда даже в школу не ходила. В памяти всплывает лишь смутный образ: большие, невероятно теплые руки. Я точно знаю, что он всегда любил меня, хоть отец и наложил строжайший запрет даже на упоминание его имени.

Но я помню другое: как мама украдкой, когда папа не видел, шептала молитвы, умоляя Всевышнего защитить Мурада.

Мне так и не сказали, почему он ушел. Что заставило его сбежать.

— Вот так, — Лица вручает мне наушники с микрофоном. — Я пока выйду, чтобы дать вам поговорить наедине. Ничего не бойся, детка. Вы оба ждали этой встречи слишком долго. Открой ему свое сердце. Помни, отец далеко, и ты можешь говорить всё, что посчитаешь нужным.

Мне страшно! Я судорожно поправляю волосы, обхватываю ладонями горящие щеки. И в этот миг на экране появляется он. Мужчина с усталыми, но добрыми карими глазами и густой аккуратной бородой.

— Мадина... сестрёнка... — выдыхает он, и его ласковый голос давно забытым эхом отзывается в душе. Я не выдерживаю.

Эмоции прорываются наружу бесконечным неудержимым потоком. Все слова куда-то испаряются, вся накопленная боль, тоска и одиночество выходят наружу с горькими солёными слезами.

— Я понимаю, милая, — тихо говорит Мурад, давая мне выплакаться. — Тебе было очень тяжело...

— Нет, я... — всхлипываю, пытаюсь унять дрожь в голосе, — просто так по тебе соскучилась!

Он мягко улыбается, и эта улыбка согревает меня даже через экран. Какой же он красивый! Но, в отличие от вызывающей дикой красоты Багира, красота моего брата другая: спокойная, тёплая и надёжная.

— Как ты? — прерывает мои мысли, пока я пытаюсь успокоиться и перестать рыдать.

— Хорошо, — вытираю слёзы. — Ты спас меня от него, Мурад. Иначе я бы уже была в том гареме...

— Я бы никогда этого не допустил, милая. Ни за что, слышишь меня? — его голос твёрд и уверен.

— Но как ты узнал? — спрашиваю, хотя у меня уже есть догадка.

— Мне сообщила твоя мать, — отвечает он.

Твоя.

Не «наша». Не «наша мама». Просто «твоя мать».

Поджимаю губы. Значит, он и вправду разорвал все связи. Но всё равно пришёл мне на помощь.

— Спасибо тебе, — выдыхаю с благодарностью. — Ты мой спаситель.

— Это ты скажи Багиру, — усмехается Мурад.

Одно лишь его имя заставляет тело реагировать с невероятной силой: сердце бешено стучит, по жилам разливается сладкий жар. Между ног рождается тяжесть.

— Кстати... как вы там? Он тебя не смущает, не обижает? Я доверяю ему, как самому себе. Но ты молодая девушка, а он мужчина...

— Всё в порядке! — выдыхаю, чувствуя, как предательский румянец снова заливает лицо. — Он очень учтив и вежлив. Багир...

Я замолкаю, и перед глазами тут же возникает образ сурового воина со шрамом. А следом воспоминание о его мощных тугих мышцах и капельках пота, стекающих по напряжённой спине...

Меня опаляет волна стыдливого жара.

— Мадина? — голос брата становится настороженным. — Ты вся покраснела. Есть что-то, о чём мне нужно знать?

ГЛАВА 14

Багир

— Кажется, твоя подопечная созрела, Багир. И ей, похоже, нравишься именно ты, — слова Лики висят в воздухе, настойчивым эхом отдаваясь в моей голове.

Она не отводит пристального взгляда, словно пытается прочесть меня как книгу.

— А тебе, очевидно, нравлюсь не я, — в нарочито спокойном голосе мелькает горькая нотка, но Лика мгновенно берет себя в руки, делая вид, что ничего не происходит. — Впрочем, это ожидаемо. Мужчина и женщина, запертые в четырех стенах... Трудно не начать испытывать интерес.

— Ты не о том думаешь, — произношу резко, глядя туда, куда только что убежала Мадина. Разрываюсь между ослепляющим желанием броситься за ней и холодным, трезвым пониманием всего безрассудства такого поступка.

— Я её психолог, ты сам меня пригласил, — Лика скрещивает руки на груди, занимая защитную позицию. — У Мадины слишком много комплексов. Она боится и отрицает в себе женщину. Но ты мог бы помочь ей.

— Каким образом? — скептически выгибаю бровь.

— Просто будь с ней ласковее. У девочки первая влюбленность, ей страшно и некомфортно в собственном теле. Говорят, первая любовь редко бывает счастливой. Но мой профессиональный опыт подсказывает: либо она разбивает сердце вдребезги, либо остается с тобой навсегда...

— К чему ты ведёшь? — строго смотрю на психолога. — Я здесь, чтобы охранять сестру босса и ничего более. А ты толкаешь меня на шаг, за который Мурад пристрелит меня без разговоров. Так хочешь поскорее от меня избавиться?

— Ой, брось! Вы с Мурадом Демидовичем уже давно не просто босс и подчиненный. Вы как братья.

— Это не мешает ему меня прикончить, — фыркаю. — Уверен, он, как старший мужчина в семье, сам выберет, кто достоин быть мужем его сестры.

— Нет, родной, это не пройдет! — Лика качает головой. — Ты сам прекрасно знаешь, что Мурад Демидович терпеть не может все эти обычаи. Он давно не живет по мусульманским заветам, у него русская девушка. Так что не пытайся спрятаться за...

ВЖЖ!

Резкий звук подъезжающей машины нарушает окружающее нас спокойствие, заставляя обоих разом замолчать.

Всё внутри мгновенно сжимается и леденеет. Мозг, отточенный годами военных операций, переключается с личных терзаний на режим угрозы.

Секунда - и мир сужается до тактической карты: оценка опасности, возможность отхода, план нейтрализации. По спине пробегает холодок адреналина, знакомый и почти что желанный.

Набираю Николая.

— Что там? — вырывается у меня без всяких приветствий. В горле пересыхает от дурного предчувствия.

— Опасность, босс, — голос парня на том конце провода сдавлен и напряжен. — Как призраки. Из ниоткуда появились.

— Призраков не бывает, дурья башка! — рычу, сжимая телефон так, что устройство аж трещит. — Это вы все просрали! Сказал следить. Где твои глаза были? Почему молчал?

На том конце трубки тяжелое виноватое молчание.

— Ай, блядь... ладно, — выдыхаю, обрывая вызов.

Поворачиваюсь к Лике. Она оценивающе смотрит в сторону ворот.

— Я все сделаю, — деловито сообщает, в глазах мелькает холодная сталь. — Отвлеку тех, кто приехал, а ты их нейтрализуешь. Судя по голосам, там мужики, а к ним я подход умею находить.

— Понял, — нащупываю рукоять пистолета в кобуре, привычным движением проверяя затвор. — Не подставляйся.

Она ухмыляется, пальцами медленно спуская с плеча лямку майки. Жест вызывающий, отточенный. Лика - профи. Не только психолог, но и шикарная актриса. Не зря я три года ждал, пока она уйдет из разведки.

— Вовремя я шортики надела. Думала тебя соблазнить, но раз ты уже занят... — озорно усмехается. Это то, за что я Лиду ценю: умение вовремя взять себя в руки. Виляя бедрами, она направляется к двери.

И я совсем нехстати ловлю себя на мысли: вид ее упругого зада не вызывает в моем теле ни единой реакции. Зато в памяти всплывают шелковистые темные волосы, огромные испуганные глаза и полные губки Мадина... Да, блядь!

Спустя пять минут дело сделано. Лика виртуозно отвела на себя внимание похотливых ублюдков Газали. Я свернул шею первому, второй свалился с пулей в виске. Третьего уделала Лика.

И в этот миг меня снова пронзает знакомое ощущение, что на меня смотрят.

Резко разворачиваюсь и пристально гляжу в окно второго этажа. Мадина... Она все видела и наверняка перепугалась до смерти. Отчего-то мне очень не хочется, чтобы эта девушка видела, как я “работаю”.

— Нужно все убрать, — Лика стоит рядом, ее холодный взгляд скользит по телам боевиков Газали.

— Сначала увезем их отсюда, — говорю я, стирая ладонью пот со лба. — Нужно, чтобы они исчезли в другом месте. Для этого придется вызвать Саида.

Лика сжимает кулаки, костяшки ее пальцев белеют от напряжения.

— А без этого варвара никак? Он отвратителен! — вырывается у нее, девушка скрещивает руки на груди. — Грубиян и хам! Ему никакой психолог уже не поможет! Он мизогин и женоненавистник!

Она вне себя. Ноздри раздуваются от ярости, в глазах бушует настоящий шторм. Поясню: мой «решала» Саид Исламов — давняя заноза для Лики. Он традиционалист, правоверный мусульманин, и их взгляды, мягко говоря, отличаются.

Они ненавидят друг друга до зубовного скрежета, хотя кто-то из моих ребят свято уверен, что под этой ненавистью скрывается самая настоящая страсть. Я в их отношения не лезу, мне нужен результат.

— Прости, но сейчас вопрос критический, — устало говорю, набирая номер в телефоне. — Исламов такие случаи, как орешки щелкает. Саид. Дело есть...

Лика фыркает, резко разворачивается и уходит в дом, хлопнув дверью.

А я стою среди тишины и постепенно рассеивающегося запаха пороха и понимаю, что жизнь моя становится все интереснее и интереснее...

ГЛАВА 15

Мадина

Сердце проваливается в пятки с противным холодным гулом. Неужели Мурад прочитал меня так быстро и легко?.. Мама всегда твердила, что я открытая книга и все мои чувства написаны на лбу крупными буквами.

Но сейчас мне нужно защитить не себя, а Багира. Он-то уж точно не виноват, что ночами является мне в тех самых порочных и греховных снах.

— Нет, что ты! — пускаюсь в оправдания, и на языке сразу горчит привкус лжи. — Просто я не привыкла так долго оставаться наедине с мужчиной.

— Не беспокойся, милая. Багир тебя не обидит. Я доверяю ему, как себе.

От этих слов по телу разливается жгучий стыд. И в голову снова лезут навязчивые образы: сильные жилистые руки, рельеф мышц и...

— Мадина, ты опять витаешь в облаках, — усмехается Мурад.

— Прости. Просто слишком много всего случилось, — встряхиваю головой, пытаюсь собрать себя по кусочкам. — Непривычно жить... вот так...

— Скоро все закончится, — брат тяжело вздыхает. — Мы обязаны полностью освободить тебя, обезвредить любую угрозу. Обещаю, ты будешь свободна, милая...

— Мурад, — тихо выдыхаю, кусая губу до боли. — А что теперь? Если папа больше не будет решать мою судьбу... это теперь твоя обязанность? Ты ведь мой главный мужчина...

Брат пристально смотрит на меня. Его взгляд скользит по моему платку. И мне вдруг становится не по себе. Мурад вздыхает.

— Я хочу, чтобы ты сама выбрала свою судьбу. И мужа. Этот мир прекрасен и многогранен, Мадина. В нем столько всего. Я хочу, чтобы ты, наконец, скинула оковы и вдохнула полной грудью. Для этого Багир и нанял Лику.

— Она хорошая, — робко шепчу.

— Она в первую очередь профессионал. Лика участвовала в десятках операций на Ближнем Востоке, вытаскивала детей и женщин из ада. Она профессионально занимается их реабилитацией. Возвращает к жизни тех, кому мастерски промыли мозги.

— Ничего себе! — с губ срывается восхищенный возглас. — Ни за что бы не подумала...

— Да, мы с Багиром сошлись на том, что тебе нужна лучшая.

Мы болтаем с Мурадом почти час. Он рассказывает, что у него есть русская девушка Яна, и он безумно ее любит. Мы с ней обязательно познакомимся.

Когда связь обрывается, я еще какое-то время сижу, уставившись в темный экран. Не думала, что Лика настолько... крутая. И тут в открытое окно врывается ее гневный крик. Я вскакиваю и подбегаю, осторожно выглядывая из-за шторы.

— Ты совсем охренел, Исламов?! — буквально рычит она. — Босс сказал, нельзя тебе заходить в дом, чего непонятного?!

Я и не заметила, как к воротам подкатила еще одна машина. Тоже черная, но более угловатая и мощная. Рядом мужчина с внешностью, от которой перехватывает дух.

Высокий, ростом с Багира, такой же широкоплечий. В военной форме, мощных высоких ботинках.

С аккуратной подстриженной бородой. Волосы короткие, черные. Он стоит лицом ко мне так, что я могу разглядеть его глаза. Они почти белые! Метис, наверное. На Кавказе я часто видела таких детей. С огнем в крови.

— Мне нужен босс, а не его шармута! — огрызается тот.

Лика складывает руки на груди. Они ссорятся? Но она сейчас так живо выглядит! Глаза горят, жесты резкие и выразительные. Этот мужчина явно умеет выводить ее из себя.

— Думаешь, я не знаю, что такое «шармута», Саид?! Совсем меня за дуру держишь?! — она не тушует, а наступает, заставляя его сделать шаг назад. — Мама не научила уважать женщин, варвар?!

Тычет пальцем в его широкую грудь. Я замираю, наблюдая за ними, затаив дыхание. Хотя какая-то отдушина от бури, бушующей в моей собственной душе.

— Женщин я уважаю, — язвительно усмехается он. — Покорных, послушных. А не таких, как ты...

Он с нескрываемым презрением окидывает ее взглядом с ног до головы. Лица замолкает. Я даже поначалу не верю, она обычно за словом в карман не лезет. Но напряженное молчание ясно дает понять, что ей не безразличны слова этого мужчины.

— Все свои прелести напоказ выставила... Хотя лифчик бы надела! Трусы, я смотрю, тоже лишние?!

В его голосе не просто злость. Там слышится ревность. Дикая, иррациональная. Но Лица не его женщина! И мы не в медресе. Почему он смеет так с ней разговаривать?

Во мне внезапно просыпается странное чувство... Желание вступить за Лику. Она спасла меня. А эти шорты и майка... Обычно она одевается скромно. В джинсы и футболку.

— Это ты своей жене в парандже будешь указывать, как одеваться, Исламов! А мы с тобой коллеги, так что будь добр...

— Ты меня достала, женщина! — рычит он, и в этот момент за моей спиной с грохотом распахивается дверь.

Я резко задергиваю штору и оборачиваюсь.

— Багир... — вырывается сдавленный вздох. Сердце выскакивает из груди, стоит мне увидеть того, кто стал главным героем моих греховных снов.

Он приближается. Останавливается в полуметре, так близко, что я чувствую его запах, свежий и терпкий, сводящий с ума. Машинально облизываю пересохшие губы и впираюсь взглядом в пол. Смотреть на Багира невыносимо.

Мне нельзя...

— Мадина... — хриплый голос опаляет кожу, оставляя на сердце незаживающий ожог.

Я молчу, сжимая кулаки до побелевших костяшек. Так стыдно! Я не должна этого чувствовать... не имею права!

— Мадина, — повторяет Багир и пальцами касается моего подбородка. — Посмотри на меня.

Не могу! Тело будто налито свинцом. Начинаю мелко дрожать. От его прикосновения по коже бегут стаи мурашек, а внизу живота закипает тяжелый сладкий жар. Тихо всхлипываю.

Напряжение между нами сгущается, становясь осязаемым, плотным...

Багир мягко, но настойчиво надавливает, заставляя поднять глаза. Он так близко! Аллах, что со мной творится?!

— Сними платок... — его голос низкий, хриплый, не допускающий отказа. — Я хочу посмотреть на тебя...

ГЛАВА 16

Багир

Везунчикам Газали уже не больно. Они просто мусор, который нужно утилизировать без шума, желательно подальше отсюда. Лика, фыркнув, удаляется в дом.

И это правильно. В первую очередь нужно думать о Мадине. Должно быть, малышка напугана до смерти. Ей нужен кто-то рядом, кто поддержит.

Будь с ней ласковее...

И что, блядь, Лика имела в виду?!

Саид приезжает быстро на своем угловатом Гелике. Исламов всегда держится особняком. Вроде как часть моей команды, а вроде и нет. Но я доверяю этому молчаливому ублюдку, как себе.

Они с Ликой примерно на одном уровне доверия.

Исламов тоже был частью команды Жантиева. И ушел вместе со мной, когда мы попали в ловушку, расставленную нашим же боссом. До сих пор чувствую привкус крови. Помню, как пришлось отбиваться кинжалом, получив этот шрам.

Иначе бы я здесь сейчас не стоял.

— Что именно нужно сделать? — Саид отвлекает меня от мрачных мыслей.

Он внимательно рассматривает тела, накрытые белыми простынями.

— Три мешка мусора. Нужно сделать так, чтобы их не искали. По крайней мере, быстро не нашли. Все должно указывать на то, что ликвидировали их не здесь.

— Что в тачке? Есть какая-нибудь карта или...

— Мобильный телефон, по которому они отчитывались. На машине жучок, Газали отслеживает их перемещение. Погрузим тела, я отпишусь, что по адресу ничего. Так выиграем время.

Исламов кивает.

— Тогда работаем, босс.

Саид не задает лишних вопросов. Он профессионал в том, чтобы враги исчезали навсегда. И в этом его главная ценность.

Исламов методично загружает тела внутрь черного Гелика, на котором приехали боевики. Я обеспечиваю прикрытие. Знаю, что дальше: обычно промышленная печь или бочка с кислотой где-то в заброшенной промзоне. Это работа Саида. Моя — следить, чтобы никто не помешал.

Я беру мобильный для связи. Простенький, кнопочный, такой не отследить. Пишу, что все чисто. Роюсь в бардачке, нахожу карту. Там выстроен маршрут по точкам.

— Умно, — хмыкает Саид, — никаких навигаторов и электроники, чтобы не снять со спутника. Все максимально простое. Они профессионалы.

— Да, — коротко киваю. Хорошо, что в балаклавах. Черные футболки, камуфляж. Даже маскироваться не придется.

У Саида в фургоне всегда есть одежда на смену. Мы натягиваем черные футболки, балаклав.

— Если камеры нас зафиксируют, то не отличат с закрытыми лицами. Тонировка тачки поможет. Следующая точка недалеко, заедем туда. Лика пока успокоит Мадину... Надеюсь, к моему возвращению в доме будет хоть немного спокойнее.

Саид усмехается.

— Не боитесь эту женщину оставлять с юной мусульманкой? Наговорит она всякого, научит плохому... собьет с истинного пути.

Я бы на это надеялся... Чтобы она смогла начать новую жизнь...

Так, блядь, прочь мысли о сестре босса!

— Ты глаза свои белые скрой. А то нас спалят, — рычу.

— Все сделаю, босс, — скалится Исламов, доставая линзы.

Дальше все по плану. Мы возем тачку в другую заброшенную деревню, мелькая под камерами. Даем взятку ДПСникам. Избавляемся от тел привычным способом: сжигаем в промышленной печи в одной из точек Саида, избавляемся от машины.

Возвращаемся назад на стареньком «Форде». Двигатель с тихим стоном затихает, и в наступившей тишине я чувствую, как напряжение дня тяжелым грузом ложится на плечи.

— Напоминаю, Саид, только мне и Лике дозволено быть в этой части дома. Если у тебя какие-то дела с остальными, найди их за крылом охраны. Там сейчас Ник.

— Постою тут, подожду эту нечестивую женщину, — цедит Исламов, и в его голосе слышится недовольство. — Научу ее уму-разуму, чтобы не развращала сестру Мурада Демидовича. Не учила ее этим своим феминистским штукам.

Вот же упертый. Хватит!

— Лика — член моей команды. Веди себя с ней уважительно, — в голосе звенит сталь, я смотрю на Исламова жестко, напоминая, кто здесь главный. — Да, у вас разные взгляды, но я не потерплю в своей команде подобных споров. И тем более унижения женщины. Это ясно?

Он на секунду отводит взгляд.

— Да, босс.

— Так-то лучше.

Хотя бы на этом успокоится. Сейчас это последнее, что мне нужно.

Разворачиваюсь и направляюсь в дом. Теперь нужно держать ухо востро. Газали неспроста внес этот адрес в список подозрительных точек. Он что-то почуял. И мне нужно понять, откуда тянется эта ниточка.

— Все в порядке? — Лика спускается со второго этажа, тихо, словно кошка.

— Да. Как она? — киваю наверх.

— Думаю, Мадина ждет тебя, Багир. Ей очень важно сейчас ощущать опору и поддержку. Сильное плечо, — Лика смотрит на меня проницательно. Черт, она ведь все видит. — Мы с ней пока пытаемся найти общий язык, а вот у вас взаимопонимание сразу появилось. Зайди к девочке, успокой ее. Обними.

Молчу. Исподлобья гляжу на Лику. Обнять? Она с ума сошла? Психолог подмигивает мне и бодро направляется к двери. А я, чертыхнувшись, делаю шаг к лестнице, чувствуя, как земля уходит из-под ног.

Открыв дверь, вижу, как малышка отпрыгивает от окна, будто пойманная на чем-то запретном. Подсматривала? Черт, Исламов опять Лику задирает? Что за детский сад?

Но все мысли мгновенно улетучиваются, когда я тону в огромных карих омутax. Мадина испуганно смотрит на меня, поджигает алые губки. А я с ума схожу...

Делаю к ней шаг, оказываюсь неприлично близко. Нельзя! Мне нельзя, сука... Она сестра босса!

Но опущенные густые ресницы, этот румянец на щеках лишь распаляют во мне что-то темное, первобытное, животное. Хочу снять с нее этот платок. Чтобы каштановые пряди рассыпались по хрупким плечикам. Коснуться и почувствовать их мягкость.

— Мадина... посмотри на меня, — с губ срывается хрип, и я понимаю, что еще немного и сорвусь, переступлю черту, за которой нет возврата.

Малышка тихо всхлипывает. Сжимает пальчики в кулачки. Блядь! Она боится. Я должен уйти! Должен разорвать эту невидимую нить, что протянулась между нами.

Но вместо этого я подцепляю подбородок Мадины. Слегка надавливаю и вынуждаю девушку взглянуть на меня. И именно сейчас, в тишине комнаты, осознаю всю глубину своего падения.

Понимаю, чего хочу на самом деле.

— Сними платок. Я хочу посмотреть на тебя, — почти рычу, не в силах отвести взгляд от Мадины. Ее красота пленяет, опутывает собой, как паутина. Спротивляться все сложнее. Да и не хочу больше.

Девушка прикрывает глаза. Аккуратно, почти невесомо подцепляет тонкими пальчиками шелковую ткань. Платок соскальзывает, и каскад каштановых волос, длинных и шелковистых, рассыпается по плечам.

Пропускаю прядь сквозь пальцы.

Всё. Я пропал. Окончательно и бесповоротно.

ГЛАВА 17

Мадина

Волосы... это ведь всего лишь волосы! Но под пристальным взглядом Багира у меня возникает ощущение, будто стою перед ним совершенно обнаженная. Сердце замирает в груди, словно птица в клетке.

Большая рука с длинными умелыми пальцами скользит по моим прядям. Это прикосновение рождает сладкую горячую волну, что проносится по всему телу и тяжело оседает внизу живота.

Инстинктивно пытаюсь снова опустить голову, спрятать свое стеснение, однако Багир не позволяет. Он мягко, но уверенно фиксирует мой подбородок, заставляя смотреть на него, сгорать во тьме его глаз.

Всевышний, какой же он красивый... Ровный нос, пронзительные карие глаза, что смотрят прямо в душу, выворачивая ее наизнанку. У висков благородная седина, которая не старит, а лишь подчеркивает его силу и опыт. А губы... такие чувственные, что я ловлю себя на грешной навязчивой мысли... как бы я хотела ощутить их вкус.

— Ты очень красивая, Мадина, — низкий хриплый голос рвет мое трепыхающееся сердечко на части.

— Спасибо, — с губ срывается шепот, а щеки заливает алый стыд.

Что говорить? Как дышать? Я не знаю, не понимаю! Мне так страшно от этой близости, от этих новых всепоглощающих чувств! Нервно облизываю пересохшие губы, и взгляд Багира немедленно падает на них. Его зрачки расширяются, поглощая радужку, пока глаза не становятся черными, как сама ночь.

А затем...

— Ах! — с губ срывается испуганный возглас, когда он смыкает вокруг меня свои большие мощные руки и прижимает к себе.

Мир уплывает. Кажется, сердце сейчас выпрыгнет из груди и убежит прочь. Я тыкаюсь лицом в сильное плечо и ощущаю аромат: смесь древесного парфюма, легкого запаха сигарет и неувимого спокойствия, что исходит только от Багира.

— Испугалась? — нежно мурчит мужчина у самого моего уха, и я полностью теряюсь, растворяюсь в его хриплом голосе.

— Угу, — киваю, застыв, не в силах пошевелиться.

Но страх понемногу тает, сменяется разливающимся по телу приятным теплом, оставляя после себя лишь легкий тревожный шлейф. Я не могу надышаться Багиром, его запахом и близостью. Отчаянно хочу обнять его в ответ, но руки беспомощно висят вдоль тела, словно чужие.

— Я не хотел пугать тебя, — хрипит Багир, и я слышу бешеный стук его сердца. — Ты не должна была этого видеть.

Весь мир замирает. Ругающиеся за окном Лика и белоглазый мужчина, угрозы отца, призрачная опасность — все это растворяется, тонет в ласковом низком голосе моего защитника.

— Я все понимаю, — лепечу, и желание обнять его становится невыносимым. — Мурад сказал, что вы защитите меня. И он вам верит, как себе.

В тот же миг тело Багира вдруг деревенеет. Он резко отшатывается, убирая руки, и я остаюсь одна, наедине с едкой колючей горечью, что разливается по всему телу.

— Мадина... — Багир проводит ладонью по своим коротким волосам, и в его глазах я вижу борьбу. — Прости, я не должен был тебя касаться. Просто мне показалось, что ты напугана...

Я лишь молча поджимаю губы, чувствуя, как по щекам катятся предательские горячие слезы.

— Я... вы... мы... — ненавижу себя за робость, впитанную с молоком матери. За эту душевную закрытость, зашоренность, не позволяющих просто протянуть к нему руки.

Отчаянно хочу выкрикнуть, чего желаю на самом деле. Озвучить то, что горит у меня внутри огненным, постыдным желанием.

Но с губ срывается лишь жалкий, беспомощный всхлип. Я смотрю на Багира во все глаза, и он в этот момент выглядит словно затравленный зверь, загнанный в угол.

— Больше это не повторится, — его голос снова становится отстраненным и жестким. Багир расправляет плечи и вот передо мной вновь лишь защитник, чьи чувства скованы долгом. — Отдохни пока. Лика позовет тебя на обед.

Он разворачивается и широкими решительными шагами направляется к двери. Я чувствую, как что-то внутри обрывается.

Не могу просто так отпустить его. Не после того, как увидела ту нежность в его глазах! Сердце перестает биться от одной мысли, что он сейчас уйдет, вновь оставив меня одну, сгорающую от непонятных чувств.

— Багир! — наконец-то обретаю дар речи и сама пугаюсь этого порыва. Мужчина замирает в дверном проеме, но не оборачивается.

Лихорадочно соображаю, что сказать. Как остановить Багира? Какие волшебные слова могут вернуть хрупкую теплоту, что возникла между нами мгновение назад? Это было так прекрасно... так ново для меня. Я впервые в жизни ощутила прикосновение мужчины.

И как назло, в голову лезут лишь обрывки чужих наставлений. Воспоминание о маме. О кухне, наполненной ароматами сытного восточного обеда. Ее тихий голос: «Будешь хорошо мужа кормить, он никогда тебя не оставит...»

— А я могу... могу... приготовить вам обед? — выпаливаю, и густая алая краска заливает мои щеки. Кажется, будто я предложила ему не еду, а свое тело и душу. Все, что у меня есть.

Багир медленно поворачивается. И я вижу на его лице легкую, нежную и такую желанную улыбку. А у него ямочки на щеках!

Лед между нами стремительно трескается и рассыпается холодными осколками.

— Я бы этого хотел, — тихо, почти нежно произносит мой защитник.

И уходит, прикрыв за собой дверь. Оставив меня одну с бешено колотящимся сердцем и крошечной, только что родившейся надеждой...

ГЛАВА 18

Мадина

Сердце колотится, как сумасшедшее. Багир хочет, чтобы я приготовила ему обед. Это мой шанс!словно тонкая шелковая нить, протянутая между нами, хрупкая и бесценная.

Бегу к шкафу, распахиваю створки. Мне нужно особенное платье. Не закрытое уныние и не тяжелый бархат затворницы. Что-то... для него.

Пальцами скольжу по вешалкам.

Вот строгое синее с высоким воротником, в котором я пряталась утром.

Рядом - изумрудное из шифона, с вышивкой серебром по подолу, слишком нарядное.

Взгляд падает на другую половину шкафа. Там открытые сарафаны. Провожу пальцами по персиковому шелку. Нежному, как лепесток, но слишком прозрачному и соблазнительному. Краснею от одной мысли надеть его при Багире.

Перевожу взгляд на темно-вишневое платье из мягкого креп-сатина. Рукава - три четверти, не слишком длинные, вырез горловины - аккуратная лодочка, открывающая ключицы, но не более. Оно облегает фигуру. В нем есть скромность, но и намек на женственность.

Натягиваю наряд. Ткань приятна к коже. Повязываю платок. Выбираю легкий из витого шелка с золотыми нитями в тон платью.

Не заправляю под него все волосы, позволяя темным прядям обрамлять лицо. Это мой робкий бунт. Первая попытка быть той, кем хочу.

Но тут же накатывает волна страха. Мне так много нужно сказать Багиру! Откровенные и пугающие слова бьются внутри, как раненные птицы, но не могут вырваться наружу.

Я не умею. Мне нужна помощь.

Решительно выхожу из комнаты и спускаюсь в гостиную.

Лика сидит на полу перед огромным телевизором, скрестив ноги по-турецки. В руках у нее джойстик, а на экране мелькают разноцветные фигурки, которые она яростно кликает.

Замираю в изумлении.

Эта женщина только что хладнокровно флиртowała с вооруженными бандитами, а теперь с азартом ребенка играет в видеоигры?

— Как ты, детка? — Лика отрывает взгляд от экрана. — Выглядишь свежо. Красивое платье!

Сердце ёкает. Она заметила.

— Хорошо, спасибо, — бормочу, по старой привычке опуская глаза в пол. Пальцами нервно тереблю край платка. — Я бы хотела... ммм...

Слова застревают в горле. Я сжимаю руки в кулаки. Нужно просто попросить. Это же психолог! Она здесь, чтобы помочь.

— Чего бы ты хотела? — Голос Лики спокоен и терпелив.

Минута молчания. Вторая. Я слышу лишь бешеный стук собственного сердца. Поднимаю взгляд. На лице Лики нет ни раздражения, ни насмешки. Лишь ожидание.

— Побеседовать... с тобой... — наконец выдыхаю и кажется, будто сдвинула с места гору.

— С радостью! — Лика хлопает в ладоши, откладывая джойстик в сторону. — Это большой шаг, Мадина. Ты умница, детка.

От ее похвалы по телу разливается приятное тепло. Я краснею, чувствуя себя маленькой девочкой, получившей пятерку.

— И... еще... — облизываю губы.

— М? — Лика слегка наклоняет голову.

— Могу я приготовить обед? Хочу отблагодарить... и...

— Конечно, тебе помочь? — она встает. — Обо мне не думай, готовь для мужчины, которого выбрала.

— Но я...

Я не выбирала!

Я не имею права выбирать! Это грех, это...

— Я знаю, — Лика подмигивает, и этот простой жест снимает все напряжение. Она не осуждает. Она меня понимает.

Смущенно топчусь на месте. Ладони потеют. Это все так ново для меня! Раньше я жила по указке, а теперь...

— Что будешь готовить?

— Долму. Если есть продукты.

— Посмотри, мы много закупили. Мясо, рис, зелень, виноградные листья — все в холодильнике, — Лика снова плюхается на пол и хватается джойстик. — Я тут немного посижу, если что - зови.

Киваю и, словно во сне, иду на кухню. Для меня это не просто готовка. Это ритуал. Первый обед для мужчины. Не для отца. Для того, кто мне нравится.

Достаю баночку с виноградными листьями, промываю их от рассола. Замачиваю круглый рис. Мелко рублю луковицу, зелень: кинзу, укроп, мяту. Смешиваю с фаршем из баранины и говядины, солю, перчу, добавляю щепотку зиры.

Ароматы детства, маминой кухни, тепла и уюта, которых мне так не хватает в этом стерильном доме.

Заворачиваю фарш в упругие зеленые листья, формируя аккуратные плотные конвертики. Укладываю их в широкую глубокую сковороду, тесно друг к дружке. Заливаю водой, смешанной с томатной пастой, ставлю на медленный огонь. Теперь нужно время. И терпение.

Мою посуду, вытираю стол, снова и снова поглядывая на дверь. Где он? Вернется ли? А что, если передумал? Если он просто вежливо согласился, а сам ушел? Мысли обжигают...

Раздается скрип входной двери. Затем тяжелые уверенные шаги. Сердце замирает. Я застываю у мойки, вцепившись в полотенце.

Багир заходит на кухню. И у меня перехватывает дыхание.

На нем темно-синие джинсы и белая рубашка с расстегнутым воротником. Рукава закатаны, сильные запястья обнажены.

Он кажется моложе. Более обычным. Но от этого его мощь и дикая первобытная энергия чувствуются еще острее. Багир просто стоит, заполняя собой все пространство кухни.

— Пахнет очень вкусно, — произносит он, и его низкий голос вызывает теплые импульсы внизу живота. — Долма?

Не могу вымолвить ни слова, лишь глупо улыбаюсь, чувствуя, как румянец заливает щеки.

— Готово? — Багир делает шаг ближе.

Киваю и, отворачиваясь, чтобы скрыть смущение, начинаю раскладывать долму по тарелкам. Руки дрожат.

Мужчина садится за стол. Кладу перед ним тарелку, свежий лаваш.

— Позвать Лику? — спрашиваю, направляясь к выходу.

— Не надо, — останавливает меня Багир. — Она уехала. Сказала, пообедает в городе.

В воздухе повисает оглушительная тишина. Мы одни в этом доме. Совершенно одни. Кровь стучит в висках, в ушах звон.

Я сажусь напротив на краешек стула, не в силах поднять глаз. Багир пробует долму. Слышу его ровное дыхание. Безумно нервничаю! Понравится ли ему моя стряпня?

— Вкусно, — улыбается. Для меня это простое слово дороже любых признаний. — А ты почему не ешь? Давай, садись обедать.

Я накладываю себе долму и сажусь рядом.

Багир ест с аппетитом. Я украдкой наблюдаю за ним. Глаз отвести не могу.

Закипает чайник. Резко вскакиваю, чтобы налить чай, но большая рука мужчины накрывает мою.

Время останавливается.

Его прикосновение обжигает. Багир крепко меня держит. Внутри все замирает, а потом взрывается фейерверком из страха, стыда и пьянящей запретной радости.

Поднимаю на него глаза. Его взгляд темный, тяжелый, полный такого напряжения, что воздух на кухне становится невыносимо густым.

— Ты очень красивая, Мадина, — хрипит Багир, пальцами слегка сжимает мои. — Сейчас особенно.

От этих слов у меня подкашиваются ноги. Весь мир сужается до его прикосновения.

Я не могу дышать. Не могу думать.

Что мне делать?!

ГЛАВА 19

Багир

Дверь захлопывается, и я остаюсь один в гулкой тишине коридора. Адреналин, что только что пылал в жилах, сменяется ледяной волной стыда.

Я прижимал к себе Мадину. Чувствовал, как хрупкое тело трепещет в моих руках. Не утешал, а желал ее.

Черт! Резко разворачиваюсь и иду в свое крыло. Нужно чем-то занять голову. Чем угодно, лишь бы выжечь из памяти нежный образ.

Включаю ноутбук. Открываю файлы с отчетами Ника, сводки по слежке за людьми Газали. Буквы пляшут перед глазами, сливаясь в одно пятно.

Вместо схем и маршрутов я вижу ее. Мадину. Распущенные шелковистые волосы, темные, как ночь. И глаза... Огромные, карие. В них читался испуг, но не отвращение.

В них была растерянность, стыд и... надежда? Я видел все как на ладони. Ее открытость сводит с ума.

Набираю Ника.

— Докладывай, — рычу в трубку.

— Работаем, — голос парня напряжен. — Прочесываем все точки, где они могли засветиться. К вечеру будет конкретика по тем, кто их нанял и направлял.

— Жду.

Бросаю телефон на матрас. Снова тишина. Она становится невыносимой. Начинаю метаться по комнате, как дикий зверь в клетке.

Мне сорок. Мадине восемнадцать.

Она сестра Мурада. Невинная девушка, которую мне доверили охранять, а не развращать.

Я для нее старый израненный циник, чьи руки по локоть в крови. Между нами ничего не должно быть.

Тогда почему все это кажется таким естественным?!

Звонит мобильный. Мурад. Сжимаю аппарат так, что трещит пластик. Нужно взять себя в руки.

— Да, босс? — хриплю.

— Багир. Я говорил с Мадиной, — голос Мурада спокоен. — Хотел поблагодарить тебя за то, что ты с ней, пока я не могу. Она выглядит лучше, чем я ожидал.

Каждая его фраза, словно удар ножом в самое сердце. Он благодарит меня.

За то, что я лапаю его сестру? Или за то, что мечтаю сорвать с нее этот чертов платок? И не только его.

— Это моя работа, Мурад, — выдавливаю. Просто работа.

— Нет, не только, — Горцев мягко прерывает меня. — Я видел, как моя сестра говорила о тебе. Ты сумел завоевать ее доверие. Она, как дикий зверек, привыкла бояться и подчиняться старшему мужчине. А ты смог найти к ней подход.

Молчу. Не могу вымолвить ни слова. Если бы он знал, какой именно «подход» я сейчас ищу...

— Надеюсь, у Лики получится ее освободить от оков, — продолжает Мурад. — Кстати, тебе самому не скучно там сидеть в четырех стенах?

— Нет, босс. Дел хватает. Новости не очень хорошие. Сегодня к дому приехали наемники. Рыскали, что-то высматривали. Мы их устроили, следы скрыли. Но, боюсь, это только начало.

Повисает напряженное молчание.

— Его нужно уничтожить, Багир, — наконец говорит Мурад, и его голос становится тихим, ледяным и жестким. — Газали. И всех, кто стоял за этой свадьбой. Иначе моей сестре не будет жизни. Ни здесь, нигде.

— Мы ищем, босс. Подключаем все ресурсы...

— Мурад, — прерывает он меня. — Мы слишком долго знакомы, дружище. Я только тебе и мог доверить Мадину. Ты не подвел. Она спокойна, цела, в безопасности. Благодаря тебе.

Если бы он знал...

— Устрани Газали, — следует четкое указание. — И всех, кто связан с этой свадьбой. Это приказ.

— Да, — коротко отвечаю я. — Сделаем.

Кладу трубку. Руки снова трясутся, но теперь не от страсти, а от ярости. Да, это то, что может меня спасти. Сконцентрироваться на уничтожении врага.

Составляю план в голове. Нужно выманить Газали из его убежища. Создать приманку. Информацию о том, что Мадина находится в конкретном месте. Подойдет заброшенный склад на окраине, который мы используем для таких дел. Задействовать Саида для подготовки локаций. Его связи с «утилизаторами». И Лику. Ее талант актрисы пригодится, чтобы пустить ложный след.

Набираю номер Исламова.

— Саид. Слушай внимательно. Новая задача. Нужно подготовить «аквариум» на старом мясокомбинате. И устроить утечку информации, что там спрятали девушку.

— Багир, я не занимаюсь таким, — слышу его недовольное ворчание. — Я «уборщик», а не приманка для шакалов.

— Это приказ, Саид, — жестко говорю. — Я доверяю тебе, как себе. И придется задействовать Лику. Введи ее в курс дела.

Фыркает.

— Вот уж от этой шармуты толку никакого. Только болтает, да выставляет напоказ свои...

— Саид, блядь! — рычу. — Уважительнее! Она часть команды, и я хочу, чтобы ты прекратил ее задирать. Слышишь? Или я тебя уволю нахуй!

Пауза. Чувствую, как Исламов тяжело дышит на том конце провода.

— Ладно... — нехотя цедит. — Я все сделаю.

Вешаю трубку. Снова тишина. И снова в голове вспыхивает образ Мадины.

Чертыхаюсь и иду в душ. Включаю холодную воду. Но даже она не может вытеснить мысли о красивой невинной девушке, с которой я живу под одной крышей.

Она там, на кухне, готовит для меня обед. Я рад этому. Глупо, по-мальчишески рад.

В голове возникает мысль купить ей подарок. Книгу? Украшение? Духи?

Выхожу из душа, вытираюсь. Натягиваю чистые джинсы и простую белую рубашку, закатываю рукава. В каморку входит Лика.

— Девочка старается для тебя, — она улыбается. — Готовит тебе обед. Очень вкусно пахнет с кухни. Она умничка, пробивается через свои страхи.

— Что-то по делу, Лика? — сухо спрашиваю я, стараясь скрыть радость от ее слов.

— Я поеду в город. Мне звонил Исламов, хочет что-то обсудить, — она закатывает глаза. — Вот выбираю, в чем поехать. Может, паранджу надеть, чтобы его не раздражать?

— Я бы хотел, чтобы вы работали в команде, а не цапались, как кошка с собакой, — жестко говорю.

Лика фыркает.

— Это не просьба, а приказ.

— Поняла я, поняла... — вздыхает она. — Ладно, попробую не придушить его при встрече.

Она уходит, а я направляюсь на кухню. Воздух насыщен ароматами специй, мяса и виноградных листьев.

Пахнет домом.

Мадина стоит у стола. В вишневом платье, облегающем хрупкий стан, делая его одновременно скромным и невероятно соблазнительным. Она безумно красивая.

Снова хочу снять с нее платок. И платье... усадить эту малышку на край стола и трахнуть до потери сознания, чтобы она забыла все свои страхи и кричала только мое имя.

Трясу головой, пытаюсь сбросить наваждение. Фантазии зашли слишком далеко. Но я хочу ее, как мужчина хочет женщину. Впервые за долгие годы я чувствую это не как физическую потребность, а как глубокую жажду.

Сажусь за стол. Девочка ставит передо мной тарелку с идеально свернутой долмой, лаваш. От ее близости и легкого цветочного аромата меня ведет. Мадина садится напротив на краешек стула, но не ест.

Она нервничает. Ей неприятно мое общество? Или... наоборот?

Смотрю на ее румяные щеки. На губы, которые она покусывает от волнения. На быстрый взгляд, который малышка бросает на меня и тут же отводит.

Вывод напрашивается сам собой: Мадина тянется ко мне. Мы одни в этом доме. Так близко... и можем быть еще ближе.

Когда закипает чайник, она резко встает, чтобы налить чай. Но я, сам не ожидая от себя, протягиваю руку и ловлю ее за запястье.

— Ах! — с губ девушки срывается тихий испуганный писк.

Я тону в ее карих омутах. Тяну Мадину на себя. Прижимаю к себе хрупкое тело. Мадина вся деревенеет в моих объятиях.

— Что вы делаете... — шепчет, и в ее голосе слышится паника.

— Ты... — поправляю хрипло. — Называй меня по имени. И на «ты».

— Я не... не уверена, что можно... — малышка пытается отстраниться, но я мягко удерживаю ее.

— Тебе все можно, — гляжу прямо в ее глаза. — Ты свободная девушка, Мадина. И сама решаешь, что можно, а что нет.

Убираю выбившуюся прядь шелковистых волос со щеки малышки.

Взгляд прилипает к ее губам. Алым, сочным, чуть приоткрытым от волнения.

Понимаю, что до меня их никто не касался. Никто не целовал. Не трогал. Я могу показать этой девочке очень многое... Весь мир к ее ногам бросить. И, черт возьми, я бы хотел...

Но...

— Багир... — тихий, полный доверия шепот что-то во мне переворачивает.

Я не могу больше сопротивляться. Наклоняюсь и прижимаю к ее губам.

ГЛАВА 20

Мадина

Мир сужается до жгучего прикосновения властных мужских губ.

Багир жадно приникает к моим губам, заставляя их раскрыться в немом крике. Я замираю, парализованная страхом и иным острым, щекочущим чувством. Внутри все сжимается в тугую трепещущий ком.

— Мадина... — хрипло стонет.

Его язык горячий, влажный, настойчивый. Он скользит между моих губ, и я вздрагиваю, пытаюсь отстраниться. Но Багир не отпускает.

Его большая рука смыкается на моей шее под платком, пальцы впиваются в кожу, удерживая меня на месте. Он исследует мой рот с дикой животной жадой, и я чувствую, как по телу разливается сладкая слабость. Ноги подкашиваются, и только железная мужская хватка не дает мне рухнуть на пол.

Это мой первый поцелуй. И он ничего не имеет общего с теми робкими, нежными прикосновениями, о которых я читала в книгах. Это шторм, сметающий все на своем пути.

Не могу дышать. Не могу думать. Мое тело, незнакомое с такой лаской, отвечает предательским трепетом. Низ живота пылает, пульсирует странным навязчивым жаром. Между ног становится тепло и влажно, и я стыдливо сжимаю бедра, пытаюсь скрыть этот позор.

— Девочка моя... — хрипит Багир и другой рукой срывает с моей головы шелковый платок.

Отбрасывает его, и каскад моих волос рассыпается по плечам. Длинными пальцами грубо зарывается в мои волосы, запрокидывая мою голову.

Поцелуй становится глубже, жестче. Наши стоны сливаются воедино, растекаются по кухне, обволакивают.

Мне страшно и непривычно. Но сквозь страх пробивается пьянящая волна удовольствия, заставляющая меня бессильно вцепиться в ткань рубашки на мощной груди.

Вдруг он отпускает мои губы. Я задыхаюсь, губы горят, распухшие от яростных ласк. Багир прижимается носом к моему виску, и я чувствую, как его грудь тяжело вздымается. Мой защитник глубоко, с наслаждением вдыхает мой запах.

— Прости меня, — шепчет, обжигая кожу. — Я больше не мог сдерживаться. Ты слишком красива...

Его слова, желанные и запретные, обрушиваются на меня лавиной. И в этот миг в памяти возникает суровый, неумолимый голос отца.

Порядочная девушка не позволит мужчине прикоснуться к себе до свадьбы. Ведь тогда она станет порочной. Испорченным товаром, который никто не возьмет в жены. Она опозорит свой род!

Острый и жгучий стыд пронзает меня. Всхлипываю, делаю шаг назад, вырываясь из жарких объятий.

— Нет... — бормочу, не в силах поднять взгляд. Щеки пылают огнем. Я чувствую себя грязной, опозоренной. Испорченным товаром.

— Мадина... — сдавленно шепчет Багир.

Но я уже не слушаю. Разворачиваюсь и пулей вылетаю из кухни. Сердце колотится быстро-быстро, слезы текут по щекам. Влетаю в свою спальню, с грохотом захлопываю дверь и поворачиваю ключ. Прислоняюсь спиной к холодному дереву и медленно сползаю на пол.

Тело все еще горит. Губы пульсируют, а внизу живота... о, Всевышний... влажный, постыдный жар не уходит, а лишь усиливается, напоминая о том, как мое тело откликалось

на мужские прикосновения. Руки Багира, его губы заставили меня почувствовать такой огонь, что я чуть не сгорела.

Предательница! Я предала свои принципы. Свою веру и семью.

Бросаюсь на постель и утыкаюсь лицом в подушку, пытаюсь заглушить рыдания. Меня разрывает на части. С одной стороны, безумный ужас, что теперь Багир будет презирать меня. Что он увидел во мне легкомысленную девку, о которой с таким презрением говорил отец.

А с другой... сладкое, томное воспоминание о его силе, вкусе, о том, как мое тело трепетало в мощных руках.

Проходит час. Вроде бы. Слезы высыхают, оставляя после себя пустоту и головную боль. И тут раздается тихий, но настойчивый стук в дверь.

— Мадина? Могу войти? — раздается голос Лики.

Медленно поднимаюсь с кровати и иду открывать.

Лика стоит на пороге. И сразу же замечает мое заплаканное лицо.

— Ты плачешь, детка? — заходит и мягко закрывает за собой дверь. — Что случилось?

Лика подходит и теплыми пальцами стирает остатки слез с моих щек. Ее прикосновение наполнено такой заботой, почти материнской, что в горле встает ком.

— Он... он... — мне невероятно стыдно произносить это вслух.

— Давай договоримся, — Лика садится в кресло напротив кровати. — Я твой психолог. Мне ты можешь рассказать все, и никто об этом не узнает. Все строго конфиденциально, между нами. Это наше безопасное пространство.

Киваю.

— Ты не имеешь права показывать свои слабости при посторонних, — звучит в голове голос отца. — Это неприлично. Что бы ни случилось, не смей рыдать.

— Мадина, — голос Лики мягко возвращает меня в реальность. — Ты можешь расслабиться. Здесь ты в безопасности.

Делаю глубокий вдох и сажусь на край кровати, расправляя плечи. Мне нужно собраться.

— Что случилось? Почему ты плачешь? — настаивает Лика. — Багир обидел тебя?

Поджимаю губы. Как объяснить это? Это ведь так ново, так странно! Я тихо всхлипываю, снова чувствуя, как щеки заливают краской.

— Он поцеловал меня, — выдыхаю.

Лика не выглядит шокированной. На ее губах играет легкая понимающая улыбка.

— И как? — мягко спрашивает.

— Я не знаю, я... — закрываю лицо ладонями, пытаюсь скрыть пылающее от стыда лицо.

— Хорошо... давай так, — спокойно произносит Лика. — Приятно было?

Я замираю. Воспоминание о губах Багира накатывает с новой силой. Предательское тепло снова разливается внизу живота.

— Да, — сдавленно выдыхаю.

— Тебе понравилось?

Зажмуриваюсь, борясь с собой, но правда вырывается наружу.

— Да.

— Тогда почему ты плачешь? Из-за этого?

Я опускаю руки и смотрю на нее с отчаянием в глазах.

— Папа сказал, что порядочная девушка может подпустить к себе лишь мужа. А я... — голос срывается. — Я теперь непорядочная? Я стала плохой?

Лика внимательно смотрит на меня, не осуждает.

— А как считаешь ты? — переспрашивает. — Чувствуешь себя грязной или плохой? Отбрось на секунду мнение твоего отца. Оно принадлежит ему. А что чувствуешь ты?

Задумываюсь, вглядываясь внутрь себя. Да, был стыд. Был страх. Но был и восторг. И пьянящее, новое, захватывающее ощущение, когда губы Багира касались моих.

— Если отбросить наставления отца... — тихо начинаю. — Мне понравилось. Это было очень приятно.

Я вспоминаю горячие губы Багира, колючую щетину, оцарапавшую мою нежную кожу, терпкий мужской запах и сильные руки, которые, казалось, способны защитить меня от всего мира.

— Ну вот видишь, — кивает Лика. — С этим и будем работать. Отделять тебя от отца и его установок. Ты самостоятельная, взрослая личность, Мадина. И ты имеешь право на свое мнение. На свои решения. Ошибки. Страхи. Ты должна жить свою жизнь, а не ту, что тебе навязали.

Молчу. Её слова падают на благодатную почву, прорастая крошечными ростками сомнения в незыблемости отцовских законов.

— Чего ты сейчас чувствуешь? — продолжает Лика. — Прямо сейчас, в эту минуту? Расскажи.

Я поднимаю на нее взгляд, и слова вырываются сами. Тихо, но четко.

— Хочу к нему... — признаюсь, и мне становится одновременно страшно и легко. — Я, наверное, обидела его, убежав...

— Багир - взрослый мужчина, — отвечает Лика. — Он не обиделся. Но он мог подумать, что тебе было неприятно. Что он напугал тебя.

У меня сжимается сердце. Нет! Я не хочу, чтобы он так думал!

— И что мне делать? — испуганно шепчу.

Лика смотрит на меня, и в ее глазах я читаю поддержку.

— Решать тебе, Мадина. Только тебе одной...

ГЛАВА 21

Багир

Дверь кухни захлопывается, оставив меня в оглушительной тишине. Воздух все еще пахнет сладостью, страстью и страхом. А еще грехом. Но таким прекрасным.

Смотрю на алый шелковый платок, бесформенной тряпкой лежащий на полу. Поднимаю его. Ткань нежная, как кожа Мадины. Сжимаю в кулаке. Черт! БЛЯДЬ!

Вина вливается в душу ледяными когтями. Я воспользовался ее невинностью. Мадина - сестра Мурада. Девочка, которую мне доверили охранять.

А я впился в ее губы, как голодный зверь. Превратил ее спасение в грязную фантазию. Она испугалась. Убежала. И была права.

Медленно, на автомате собираю со стола тарелки. Мою посуду. Горячая вода обжигает кожу. На губах все еще горит вкус Мадины. Сладкий, как запретный плод.

Ее хрупкое тело трепетало в моих руках. Сначала от страха, а потом... в нем зародился ответный отклик. Слабый, робкий, но он был. И это сводит меня с ума.

Мне сорок. Я видел кровь и смерть. Потерял все, что имел. Думал, мое сердце умерло пятнадцать лет назад. А эта девочка с огромными глазами разрушила ледяной панцирь моей души одним лишь взглядом.

И теперь внутри меня адское пламя. Жгучее удовольствие от ее робких прикосновений и сокрушительная вина. Я жалок. Я не заслуживаю доверия Мурада.

Мысли уносят меня в прошлое. В другое время. К другой жизни.

Стою в светлой картинной галерее, заложив руки за спину. Глупейшая работа: охранять мазию какого-то маститого мазилы от каких-то идиотов, которые вдруг захотят ее украсть.

Костюм жмет под мышками, галстук душит. Мне бы в камуфляже, с автоматом в руках, а не тут выставляться на всеобщее обозрение.

– Вам тоже смертельно скучно здесь? – слышу насмешливый женский голос за спиной.

Оборачиваюсь и замираю. Передо мной стоит хрупкая девушка. Невысокая, едва достигающая макушкой мне до плеча. Светлые волосы собраны в небрежный пучок. У нее живые голубые глаза. Самые яркие из всех, которые я когда-либо видел. На ней легкий сарафан в мелкий цветочек, открывающий загорелые плечи. В руках блокнот.

– Увы, работа такая, – бросаю.

– У меня тоже, – вздыхает девушка, подходя к ближайшему полотну, где мазками коричневой и зеленой краски изображено нечто невразумительное. – Пишу статьи о творческих мероприятиях. И порой они весьма... специфичны. Кстати, меня Лиза зовут, а вас?

– Багир.

Она улыбается. У нее ямочки на щеках.

– Ну что, Багир, сами меня пригласите на свидание или будем современными? – подмигивает Лиза, и в ее взгляде нет ни капли кокетства. Одна лишь дерзкая, озорная прямота.

Что-то в груди сжимается. Достая из внутреннего кармана пиджака блокнот и ручку.

– Заеду сегодня в семь, – говорю, отрывая листок. – Пишите адрес, Лиза.

Все завертелось быстро. Лиза была как свежий ветер: ясная, чистая, прямолинейная. Через три месяца она забеременела.

Я сделал ей предложение в тот же вечер, как узнал о ее положении. Я ни на миг не сомневался. Мы поженились. Родилась Алиночка. Моя жизнь обрела смысл.

Я был счастлив. Копил деньги, мечтал открыть свое охранное агентство. Создавать для них безопасный мир.

А потом этот мир рухнул в один день. Залитый кровью. И мое сердце разбилось вместе с ним.

Воспоминания душат. Лиза. Алина. Я предал их память. Позволил себе вновь чувствовать. Забылся в объятиях другой. Мадина невинна и чиста, словно слеза ребенка. А я как слон в посудной лавке.

Я не имею права на нее.

Сжимаю раковину до хруста пальцев. Больше я к малышке не притронусь. Мурад доверил мне ее безопасность, а я сам становлюсь угрозой.

Возвращаюсь в свое крыло. Срываю с себя рубашку, натягиваю старую футболку и спортивные штаны. Мне нужно движение. Боль. Физическая усталость, которая выбьет из головы этот сладкий пьянящий образ.

Спортзал встречает меня запахом металла. Подхожу к тяжелой груше. И начинаю бить. Правой.левой. Снова и снова. Удар.

Ее испуганные глаза.

Удар.

Шелк ее волос в моих пальцах.

Удар.

Сладкий вкус нежных губ.

Молочу грушу до тех пор, пока мышцы не начинают гореть огнем, а легкие выворачиваться наизнанку. Пот заливает глаза, стекает по телу, пропитывает футболку.

Я бью грушу, будто могу выбить из себя эту слабость. Предательское влечение. Я должен быть тенью. Защитником.

Проходит больше часа. Руки дрожат, сил не остается. Падаю на колени, прислонившись лбом к прохладной поверхности груши. Дышу, как загнанный зверь.

Но она все там. В каждом моем вздохе. Мадина.

Поздно вечером возвращаюсь к себе и иду в душ. Стою под ледяными струями, пока тело не начинает неметь от холода.

Вытираюсь, натягиваю чистые штаны. Накидываю полотенце на плечи. Сажусь перед ноутбуком, пытаюсь сосредоточиться на отчетах Ника. Но буквы пляшут перед глазами.

И тут раздается стук в дверь. Тихий, робкий, но отзывающийся грохотом в моей груди.

Иду открывать, уже зная, кто там.

Мадина.

Стоит в тонкой шелковой ночнушке, которая не скрывает очертаний хрупкого нежного тела. Босые ноги на холодном полу. Темные волосы растрепаны и рассыпаны по плечам. В огромных глазах стоят слезы.

И решимость. Стальная искра, что видна сквозь страх. Она уверена в своем поступке. И стоит здесь, передо мной, полуголая... совершенно осознанно.

Малышка смотрит на меня, не отводя взгляда. Облизывает сладкие алые губы.

– Багир... я могу войти?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.